

Военные
Приключения

МЕСТЬ АЛЬБИОНА

АЛЕКСАНДР ДОМОВЕЦ

Военные приключения (Вече)

Александр Домовец

Месть Альбиона

«ВЕЧЕ»

2021

Домовец А. Г.

Месть Альбиона / А. Г. Домовец — «ВЕЧЕ», 2021 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8558-9

Весна 1889 года. Художник Белозёров приглашён в посольство Великобритании, чтобы написать портрет дочери посла. Это более чем устраивает российскую контрразведку: работая там, Белозёров должен найти доказательства причастности англичан к покушению на императора Александра Третьего, ведь независимая внешняя политика и укрепление России вызывают в Альбионе страх и бешенство. Таким образом, бывший гусар вступает в большую игру, где на кону – безопасность России, жизнь императора да и самого Белозёрова...

ISBN 978-5-4484-8558-9

© Домовец А. Г., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвёртая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	34
Глава восьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Григорьевич Домовец
Месть Альбиона
Роман

* * *

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Домовец А. Г., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Пролог

Задыхаясь и сдерживая стон, высокий мощный человек в изодранном мундире страшным напряжением вздетых рук удерживал над головой непомерную тяжесть. Со стороны, ни дать ни взять, – Атлант, подпирающий небо. Только не Атлант это был, бери выше, – император Всероссийский Александр Третий. И не падающее небо держал он, а рухнувшую крышу железнодорожного вагона. Того самого вагона, в котором ещё несколько минут назад было покойно, мирно и так уютно...

Всего несколько минут назад царская семья со свитой завтракала в столовом отсеке. Александр, Мария Фёдоровна, цесаревич Николай с братом Георгием и сестрой Ксенией, свитские чины, – человек двадцать. За окном поезда под монотонный стук колёс проплывали осенние пейзажи Малороссии. Видны были сжатые нивы, отливающие желтизной и багрянцем лесá, пожухшая ломкая трава вдоль железнодорожной насыпи. Низкое серое небо, беременное дождём, навевало лёгкую грусть и память об ушедшем лете.

– Скоро ли Борки? – спросил Александр.

– Ещё с полчаса ехать, Ваше Величество, – с готовностью доложил флигель-адъютант Шереметев, мельком взглянув на часы-луковицу. – А может, и поменьше. Не едем ведь – летим.

И действительно, поезд разогнался до скорости экспресса. Не любивший опаздывать император спешил на объявленную встречу с дворянством и купеческим сословием Харьковской губернии.

– Ты ешь, ешь, – заботливо сказала Мария Фёдоровна. – Хоть на завтраке отвлекись, а то всё дела да дела.

Словно подкрепляя слова императрицы, на пороге столовой появился лакей с большой фарфоровой кастрюлей, в которой томилась гурьевская каша, – любимое блюдо императора. Не признавая разносолов и спокойно относясь к еде, император всё же имел свои маленькие гастрономические слабости. И потому, как говорили, не раз жаловал благодарностью и рублём своего повара Ермилова, великого мастера готовить манное чудо на молоке и пенках с орехами, цукатами и сухофруктами.

– За такой кашей и дела подождут, – согласился Александр, оглаживая бороду и с удовольствием вдыхая чудный аромат.

Но полакомиться императору не довелось.

Внезапно раздался чудовищный грохот. Вагон сотряс толчок невероятной силы. В мгновение ока люди – и сидевшие за столом, и стоявшие поодаль – повалились на пол, давя друг друга. В адском шуме утонул крик боли и ужаса, в котором смешались мужские, женские и детские голоса. Всё вокруг шаталось, падало, рушилось. Казалось, перекосившийся пол вагона норовит сбросить с себя людей.

Затем последовал новый толчок, ещё более сильный. Звонко бились вагонные окна и фарфоровые сервизы. С треском ломались изящные стулья, массивный буфет и обеденный стол красного дерева. Третий по счёту толчок, – уже слабый, – стал последним. Поезд остановился. В вагоне повисла мёртвая, до звона в ушах, тишина.

– Что... что это было, чёрт побери?

Впрочем, ситуация была ясна. По неведомой причине случилась катастрофа, и вагон слетел с рельсов. Быстрее наружу, быстрее...

Словно во сне, оглушённый император наблюдал, как люди выбираются из-под обломков мебели и осколков стекла. Вот Мария Фёдоровна встала на колени и тянет руки к детям. Вот Николай и Георгий, отпихивая друг друга, силятся встать. Вот юбка рыдающей в голос Ксении бесстыдно задралась, обнажив белоснежные кружевные панталончики...

– Все из вагона! – сипло выкрикнул окровавленный Шереметев и зашёлся в надрывном кашле.

Но вагона, в сущности, уже не было.

Были сплюснутые разрушенные стены. Искорёженные листы железа, рухнув, придавили трёх лакеев, случившихся поблизости, – из-под груды металла торчали и всё ещё дёргались ноги. Был покосившийся пол в проломах. И была оседающая прямо на головы крыша, грозившая раздавить под собой всё живое.

Дальнейшие действия императора были скорее инстинктивными, нежели обдуманными. Поднявшись и встав покрепче, он вскинул вверх руки. Холодная тяжесть легла на огромные, широко расставленные ладони. Остановила гибельное движение вниз. Замерла.

Люди с ужасом и трепетом смотрели на императора, который в это мгновение казался античным героем. Физическая мощь Александра давно уже вошла в поговорку, но то, что он сейчас совершал, превосходило всякую человеческую силу. И лишь побагровевшее лицо самодержца, перекошенный рот и пронзительный хруст суставов выдавали, какого непомерного напряжения ему это стоит.

– Быстрее! Да быстрее же вы!.. – рычал он, задыхаясь.

Шереметев схватил рвущуюся к императору Марию Фёдоровну, свитские офицеры – кричащих детей, и все вместе ринулись к проломам в полу. Помутневшим взглядом Александр видел, как люди торопливо, неловко выбирают наружу. Через минуту в разрушенном вагоне император остался один на один с крышей-убийцей, – её заложником. Убрать руки? Ну, это всё равно, что похоронить самого себя. Вылезти просто не успеешь... Оставалось держать нечеловеческую тяжесть, пока хватит сил. Пока не придёт подмога.

Где-то совсем рядом – и в то же время бесконечно далеко – слышались возбуждённые испуганные голоса, мельтешили синие офицерские мундиры и серые солдатские шинели. Где же помощь, дьявол их всех раздери? Ещё немного – и руки не выдержат. Хозяина земли Русской, словно муравья сапогом прохожего, раздавит бездушное железо. И всё, и не станет Александра...

Нет, нельзя... Цесаревич ещё не готов править огромной великой страной. Без твёрдой царской руки государство обречено утонуть в хаосе, воровстве, бунтах. Оживится придворная камарилья, начнётся грызня за регентство, поднимут головы притихшие народовольцы. А уж как обрадуются в Европе! Там от века всякая русская беда, – как по сердцу мягкой тряпочкой. И чем больше беда, тем тряпочка мягче. «Господи, не попусти осиротить детей и державу... Да ещё так нелепо...» Мысли хаотично скакали в голове, сознание туманилось, время словно остановилось.

Когда прибежавшие солдаты дежурного взвода, соединив усилия, зацепили, подняли и отбросили на высокую насыпь исковерканную крышу, Александр ещё несколько мгновений стоял в позе Атланта, словно не мог поверить в спасение. И лишь потом грузно осел на пол, тупо уставившись на израненные в кровь руки, спасшие столько людей.

– Воистину самодержец, – пробормотал он, сам себя не слыша.

России только ещё предстоит узнать о крушении царского поезда и чудесном спасении венценосной семьи возле станции Борки. Лишь завтра расскажут российские газеты о подвиге императора, достойном былинного богатыря. Восхищение людей отвагой и силой своего государя впереди.

Но уже знает обо всём некий человек в Санкт-Петербурге. Уже он скомкал и сжёг невинную внешне телеграмму, присланную с неприметной станции близ Харькова и полученную через третьи руки. Сел в глубокое кожаное кресло у камина, угрюмо любясь пляской огненных языков в каменном чреве и обдумывая ситуацию.

Из темноты выступила гибкая фигура, неслышно скользнула к сидящему у камина. Опустилась на ковёр у ног. Прижалась щекой к колену. Тишину гостиной нарушил тихий вопрос:
– Ну что там?

Человек погладил светловолосую голову и так же негромко, с прорвавшимся бешенством в голосе ответил:

– Не удалось...

Глава первая

Аскетическая внешность обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева могла ввергнуть в трепет любого еретика. Высокий, болезненно худой, отличался Константин Петрович бледным лицом с тонкими губами и непреклонным взглядом глубоко посаженных глаз. Его репутация мудрого государственного мужа была безупречна, близость к императору общеизвестна. И лишь немногие знали, насколько мягкосердечным и великодушным может быть суровый с виду сановник.

Одним из таких немногих был Сергей Белозёров – известный столичный художник, а в недалёком прошлом поручик Киевского гусарского полка. Несколько лет назад Белозёров по заданию Победоносцева выяснял, почему солдат гатчинского гарнизона, несущих охрану царской резиденции, внезапно поразила эпидемия безумий. Разобрался, спас Александра Третьего от невероятно дерзкого покушения, но при этом получил пулю, предназначенную для самодержца. Тогда Сергей выжил, можно сказать, чудом, и чудо это звалось Настенька, – в ту пору невеста, а ныне горячо любимая жена. Она две недели не отходила от больничного изголовья, ухаживая, поддерживая, ободряя...

Так вот, Победоносцев. Разглядев в Сергее художественный талант, он убедил императора послать Белозёрова на учёбу к итальянским живописцам. Спустя два года бывший гусар вернулся в Россию уже сложившимся мастером. В короткое время он буквально ворвался в художественную элиту столицы, стал востребован и популярен. Этому в большой степени способствовало явное благоволение к Белозёрову со стороны обер-прокурора и, пуще того, императора. Гатчинское дело строжайше засекретили (были на то серьёзные поводы), поэтому о причинах высочайшей поддержки общество могло лишь гадать. А ведь всё просто: Александр спасителя не забыл. Благодарный монарх не только сам приобретал полотна Сергея (которые того, безусловно, стоили), но и рекомендовал Белозёрова членам царской фамилии.

Художник вошёл в моду, много работал, совершенствуя мастерство и зарабатывая – на радость своему импресарио – большие деньги. Последнее обстоятельство было как нельзя кстати, поскольку Настенька уже подарила мужу двух сыновей-погодков, и дело шло к третьему¹.

Сегодня Белозёров пил чай в обществе Победоносцева. Они сидели в кабинете обер-прокурора в здании Святейшего синода, что на Сенатской площади. Компанию им составлял генерал-адъютант императора Черевин, – личность легендарная. Боевой товарищ Александра, один из самых близких к нему людей, Черевин отличался умом, храбростью и, к сожалению, неумеренной тягой к спиртным напиткам. Это, впрочем, не мешало ему успешно нести многотрудную службу (да и кто в России не пьёт?). В частности, отвечал Пётр Александрович за безопасность царской резиденции. Там-то, в Гатчине, когда бывший гусар разбирался с солдатами-безумцами, они с Сергеем познакомились и, можно сказать, подружились.

Не виделись, должно быть, года три, поэтому встреча вышла тёплой. Обняв Сергея, Черевин долго хлопал его по плечу.

– Орёл! Хоть сейчас в седло! И усы всё так же врзлёт! – приговаривал он, с удовольствием разглядывая статного Белозёрова. – Бравый нынче живописец пошёл. Не забыл ещё за кистями, как саблю в руке держать?

– Такое разве забудешь? – откликнулся Белозёров. – Да и в фехтовальный зал через день хожу. Какой художник без твёрдой руки?

¹ Подробнее о гатчинском деле см. Александр Домовец «Гатчинский бес», М.: Вече, «Военные приключения».

А про себя сожалеючи отметил, что за прошедшие годы генерал окончательно поседел, и узкое, красивое лицо его с хищным носом над густыми усами испещрено багровыми прожилками, – понятно, какого происхождения. Сейчас писать его портрет было бы грустно...

Прихлёбывая чай из чашки тончайшего мейсенского фарфора, Белозёров не переставал гадать о причинах неожиданного приглашения. Слишком занятый человек обер-прокурор, чтобы при всех добрых отношениях звать просто так, на чаёк. Да ещё и Черевин тут... Сергей знал, что Константин Петрович Петра Александровича недолюбливает, ревнуя к монарху. Черевин, в свою очередь, недолюбливал Победоносцева, – ровно по той же причине. Взаимная неприязнь, впрочем, не помешала им тогда, в Гатчине, действовать рука об руку. И если они вдруг сейчас собрались вместе, да ещё пригласили его, Сергея, то... что?

– Ещё чайку, Пётр Александрович? Погорячее? – любезно осведомился обер-прокурор.

– Можно и чайку... коли уж ничего другого не наливают, – со вздохом согласился Черевин, откидываясь на спинку дивана. – Чистый монастырь. Одно слово, – Синод...

Недоговорив, Черевин в совершенной досаде одним глотком допил чай.

Скрывая улыбку, Победоносцев промокнул тонкие губы льняной салфеткой и, чуть наклонившись к Белозёрову, неожиданно спросил:

– А что вы думаете, Сергей Васильевич, о крушении царского поезда в Борках?

Вопрос из предыдущей беседы никак не вытекал. После катастрофы прошло уже пять месяцев, и страсти по чудесному спасению царской семьи улеглись. Тогда все сошлись во мнении, что император выказал себя настоящим героем-спасителем. Точно так же общество единодушно решило, что виной случившейся беды следует признать исконное российское разгильдяйство и воровство. Комиссия под руководством прокурора Кони и управляющего Юго-Западными железными дорогами Витте уже обнародовала результаты расследования.

Выяснилось, с одной стороны, что царский поезд тянули сразу два паровоза с разными техническими свойствами, и это создавало разную скорость в движении вагонов. А когда поезд развил чрезмерную скорость, разная скорость стала критически сильной, что и вызвало сход вагонов с рельсов. С другой стороны, путь находился в плохом состоянии. Подрядчик поставил для строительства дороги гнилые шпалы и низкосортный балластный гравий. Если бы не это, катастрофы могло и не быть. А так, – одно к другому...

– Ну что тут скажешь... – произнёс Белозёров. – Государь с семьёй спасся, и слава богу. Но двадцать человек погибли, втрое больше пострадали. Не в каждом бою такие потери. (Черевин сделал утвердительный жест.) А кто за это ответил? Ну, уволили министра путей сообщения, ещё несколько чинов поменьше, – толку-то... Если у нас даже царский поезд под откос идёт, куда уж дальше? – добавил он, разводя руками. – С нашим воровством и бардаком и народоугодничеством не надо. Сами всё погубим и разрушим.

Победоносцев задумчиво кивнул. Слово взял Черевин.

– Тут, Серёжа, не всё так просто, – негромко сказал он, расстёгивая верхний крючок мундира. – Насчёт воровства и бардака я с тобой согласен. Только сейчас речь не об этом. Я ведь сам на том поезде был, через вагон от государя. Да, разогнались от души. Да, шпалы дрянь и гравий не лучше. Только все эти причины, если какую-то роль и сыграли, то не главную. Главное в другом...

Сергей подался вперёд.

– А в чём же? – спросил он.

– Взрыв был, Серёжа, – медленно произнёс Черевин. – Вот это главная причина и есть. Из-за него-то поезд и сошёл с рельсов.

Наступила тяжёлая пауза.

– Однако... – изумлённо вымолвил наконец Сергей, невольно оглядываясь на Победоносцева.

Судя по непроницаемому лицу, для обер-прокурора слова Черевина новостью не были. Сергей перевёл взгляд на генерала.

– Что за взрыв, Пётр Александрович? Да точно ли он был? В газетах о том ни слова. Неужто, кроме вас, его никто не слышал?

– Может, кто и слышал, да не разобрал. А кто разобрал, того, глядишь, уже и в живых нет или память после ранения отшибло, – ответил Черевин. – Тут, видишь ли, совпадение. Вслед за взрывом, – и двух секунд не прошло, – раздался страшный грохот со скрежетом. Это, значит, вагоны начали с рельсов сходить. Шум на шум наложился, вот и разберись тут... Я – другое дело. Не ошибусь.

Порукой правоте генерала был его военный опыт. И всё же новость выглядела слишком неожиданной, чтобы поверить в неё.

– Какие-то следы взрыва остались? – хмуро спросил Сергей.

– Какие там следы... – сказал Черевин, махнув рукой. – Кухонный вагон, где грохнул взрыв, пополам разорвало и сплющило, как пустую консервную банку. Чтобы трупы достать, металл резали.

– А... государь знает? – спросил Сергей, невольно понижая голос.

– Разумеется, – ответил Победоносцев. – Выслушал Петра Александровича внимательно, однако, не скрою, скептически. Он-то как раз за общим грохотом взрыва не расслышал... как и все остальные, впрочем. Тем не менее на всякий случай дал указание провести проверку. Пока Витте с Кони занимались технической стороной, к расследованию негласно подключился корпус жандармов, – по своей линии. И вот тут выяснилось очень интересное обстоятельство...

– Дьявольски интересное! – вставил Черевин.

– Я и говорю: очень, – повторил Победоносцев, метнув строгий взгляд в сторону генерала. – Незадолго до рейса в Севастополе на кухню устроился рабочим некий Ефременко. Документы в порядке, рекомендации хорошие. Приняли его с испытательным сроком. Несколько дней работал на совесть, – кухонный смотритель был доволен. И вдруг во время рейса, на станции перед Борками, Ефременко сходит с поезда, чтобы пройтись, подышать. Сходит, – и не возвращается. Естественно, поезд едет без него. А через короткое время гремит взрыв именно в кухонном вагоне... Что скажете, Сергей Васильевич?

То, что Белозёров сейчас хотел сказать, было не для обер-прокурорских ушей. Однако художник сдержался.

– Этого парня перед приёмом проверяли? – спросил он.

– Нет, – отрубил Черевин. – Документы в порядке, ну и ладно.

Сергей не выдержал – вскочил.

– Да как же так?! Первого встречного берут обслуживать царскую кухню?

– А как Степана Халтурина когда-то пропустили столярничать в Зимний дворец? – вопросом на вопрос ответил Черевин. – Он же, сукин сын, чуть ли не полгода туда ходил, как к себе домой, натаскал пуды взрывчатки, – хоть одна собака его проверила? Пока не грянуло, никто и не почесался. Счастье ещё, что обошлось, и покойный император тогда не пострадал... Сам же говоришь, – бардак неизбывный.

Сергей только махнул рукой. Сел. Слов не было, – по крайней мере приличных.

– Возмущение ваше, Сергей Васильевич, я вполне разделяю, – сказал Победоносцев ровным голосом. – Как член Комитета министров Российской империи я составил на высочайшее имя докладную записку о преступной беспечности соответствующих чинов и служб с поимённым перечислением. Кроме того, состоялся нелицеприятный разговор с начальником корпуса жандармов Шебеко. Очевидно, что система охраны царской семьи нуждается в немедленной реорганизации. И это уже делается. – Помолчав, добавил внушительно: – Однако сейчас речь о другом.

– Этого Ефременко по крайней мере искали? – спросил Сергей, остывая.

– Да, но безрезультатно. Потерялся след. Неясно даже, откуда он вообще взялся. По заявленному адресу в Севастополе его никогда не видели.

– А рекомендации проверили? Кто-то же их давал...

– Никто не давал. Фальшивые. Как и прочие документы.

– Ясно... Снова народовольцы, – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнёс Белозёров.

Черевин с Победоносцевым, не сговариваясь, покачали седыми головами.

– Нет, Серёжа, не народовольцы, – решительно заявил генерал. – Выкосили их под корень. Кого повесили, кого на каторгу, а кто-то в Лондон сбежал и оттуда лает. Их и было-то не так уж много. Нет больше народовольцев в России... по крайней мере пока.

– То есть как это нет? А позапрошлогоднее покушение Генералова с Ульяновым? Ну и прочих?

– Да какие там народовольцы! Так, эхо одно... Переловили, как куропаток, всю группу взяли.

– Значит, террорист-одиночка?

– Опять-таки не сходится, – задумчиво сказал Черевин. – Адская машина, фальшивые документы – кстати, сделаны отлично, потому и подозрений не вызвали, – это скорее по плечу организации. Просто разные бывают организации, и необязательно революционные...

О чём это он? И почему говорит обиняками?

Обер-прокурор поднялся, подошёл к окну, за которым угасал дождливый мартовский день, и долго вглядывался в пустынную по случаю ливня Сенатскую площадь. Повернувшись к Белозёрову, вдруг спросил:

– А скажите, Сергей Васильевич, что за документ вам доставили второго дня из английского посольства?

Глава вторая

Вот так вопрос...

– А вы откуда знаете? – удивлённо спросил Сергей.

И такое недоумение нарисовалось на лице художника, что Победоносцев не удержался от улыбки, слегка тронувшей тонкие губы.

– Ну, откуда знаю, – об этом, с вашего позволения, чуть позже... Но вы не ответили. Или это секрет?

– Да какой там секрет, – с досадой откликнулся Белозёров. – Письмо это было от английского посла Мориера.

Обер-прокурор с генералом обменялись быстрыми взглядами.

– И чего же хочет господин посол от художника Белозёрова? – вкрадчиво осведомился Победоносцев.

– Портрет хочет. Чтобы я нарисовал его дочь, мисс Элен. Видел, мол, мои картины на выставках и в частных собраниях, восхищён талантом живописца и всё такое прочее. Сплошной политес. – Помолчав, Сергей с усмешкой добавил: – Сэкономить хочет, не иначе.

– Это в каком смысле? – изумился Черевин.

– А в прямом. Сколько я с него возьму за портрет? Тысячи три-четыре. Ну, если обнаглею, то пять. А в Англии с него слупят намного больше. Там художники дорогие.

– М-да... – неопределённо сказал Победоносцев. – И что вы думаете насчёт этого предложения, Сергей Васильевич? Кажется, не в восторге?

– С чего тут восторг? – произнёс Белозёров, пожимая плечами. – Отец мой, боевой офицер, Царство ему Небесное, на Крымской войне дважды был ранен. И навоевался, и насмотрелся, и много чего передумал. Так он всегда говорил, что Англия – это лев с повадками шакала. И более подлого государства в мире нет... Откажусь, наверно. Заказов у меня и без посольской дочки хватает.

– А вдруг международный скандал вызовешь? – поинтересовался Черевин. – Послы – они, брат, обидчивые. Тем более, англичанин. Откажешь ему, а он ноту протеста забубенит.

– Да и хрен с ним, – рубанул Сергей по-гусарски, как в старые добрые времена. – Простите, Константин Петрович... Я вот вместо пяти тысяч запрошу десять. А то и пятнадцать... для верности. Сам откажется.

Победоносцев хмыкнул:

– Насчёт приглашения написать портрет мы, в общем, догадались. О чём ещё могут писать из посольства художнику? Вы же лицо неофициальное, – без чинов, званий и титулов... Но я почти уверен, что даже если вы запросите не пятнадцать тысяч, а все пятьдесят, посол всё равно согласится.

Сергей не удержался, – простецким жестом почесал в затылке.

– Это с какой стати? – удивлённо спросил он.

– А с такой, что в посольстве весьма хотят познакомиться с вами. Лучше бы и подружиться.

– Да зачем я им нужен? У них там что, в Англии, свои художники перевелись?

– Художников там достаточно. Но Белозёров им интересен вовсе не своим несомненным талантом. Гораздо интереснее, что Белозёров вхож в аристократическое столичное общество, знает немало влиятельных персон, близок к царской семье, наконец. Вот это для них очень важно. – Обер-прокурор снял очки и подслеповато взглянул на Сергея. – Понимаете? Портрет – это только зацепка. Предлог для завязывания отношений с нужным человеком. С вами. И за ценой не постоит.

Повисла пауза.

– Вот что я скажу, Константин Петрович, – сказал Сергей наконец. – Шли бы эти англичане со своим интересом по известному адресу. Ведь если я правильно вас понял... а я, кажется, понял вас правильно... хотя они в моём лице получить своего человека поближе к высоким сферам. А то и к высшим. Так?

– Сформулировано точно, – оценил Победоносцев.

– Перетопчутся! – гаркнул Сергей, страдая от невозможности выразиться покрепче. Шрам на правой щеке – память о гатчинском деле – побелел. – В армии это называется вербовкой и шпионажем.

– А что тебя удивляет, Серёжа? – откликнулся Черевин. – У Англии издавна сильнейшая разведка и контрразведка, – не чета нашей. И денег на неё не жалеют. Никто не знает, сколько людей они у нас на вербовали. От князей до конторщиков или подмастерьев, – работают с размахом.

– К сожалению, Пётр Александрович прав, – негромко произнёс обер-прокурор. – Даже по нашим, наверняка неполным сведениям, высшее общество Санкт-Петербурга и Москвы кишит людьми, так или иначе работающими на Англию. Что делают? Либо правдами-неправдами добывают закрытые сведения и переправляют в посольство Великобритании, либо согласно инструкциям того же посольства формируют российское общественное мнение в пользу Англии. Даже не знаю, что для нас опаснее.

Сергей взъерошил пшеничный чуб и решительно сказал:

– Да провались оно, это посольство! Я и раньше не собирался, а теперь уж точно ноги моей там не будет, – даже не беспокойтесь. И спасибо, что предупредили.

Черевин хитро взглянул на Белозёрова.

– Ну, так уж сразу и не будет... А, может, мы тебя хотим попросить, чтобы ты и в посольство приехал, и портрет нарисовал, и поближе познакомился с нашими заклятыми друзьями?

Англия!

Не было, нет, и не будет у России врага более злого, более подлого, более непримиримого.

Островная империя, стеснённая в территориях и ресурсах, от века бросала алчные взгляды на Россию с её немереными просторами и неисчерпаемыми богатствами. Ослабить и подчинить великую славянскую страну – об этом из поколения в поколение мечтали британские правители. И тут уж все средства были хороши: от втягивания России в гибельные военно-политические коалиции до прямых заговоров.

Павел Первый, стоявший на пороге стратегического союза с Наполеоном и Францией, был зверски убит в собственной спальне, и все знали, кто направил убийц и чьим золотом оплачена кровь императора. А Крымская война! Впервые за столетия Англия сбросила маску союзника и показала зубовой оскал, создав и возглавив антироссийский комплот. Позорное поражение не только унизило нашу державу, – надолго отбросило назад...

Летопись многовековой британской войны против России – тайной и явной, – писана кровью и продиктована ненавистью. Чем выше русское могущество, тем сильнее ненависть, прищипленная страхом. Успешное продвижение наших войск в Среднюю Азию, начатое при Александре Втором и продолженное Александром Третьим, вызвало в Лондоне затяжной приступ истерии. Это же прямая дорога на Афганистан! А из Афганистана открывается столбовой путь в Индию – богатейшую колонию, жемчужину британской короны. И Британия закрутила очередной раунд игры без правил против страны, которая якобы покушается на колониальное достояние англосаксов...

Тут Сергей не выдержал, – перебил:

– Извиняюсь, Константин Петрович... В прошлом же году подписали специальное соглашение. Разграничили сферы влияния в Персии и Афганистане. Чего им ещё?

– Это мера временная, – задумчиво сказал Победоносцев, расхаживая по комнате. – Англичане и сами не привыкли исполнять договоры, и других в том же подозревают. Россию они боятся до судорог. С воцарением государя страна резко изменилась. Никаких союзов и союзников, никаких войн за чужого дядю, никаких умалений российских интересов. Мы делаем то, что надобно нам, и никому больше. Вы же видите, – Россия поднимается. Растут заводы, строится флот, прокладываем железные дороги. Урожаи такие, что хлеб за границу везём. Рубль обеспечен золотом, – многие ли страны могут таким похвастать? Всё это делается волей императора. Всё держится на нём.

– Воистину. Я даже боюсь подумать, что ждёт страну, если государя вдруг не станет, – добавил Черевин.

Художник поразился, – такая горечь прозвучала вдруг в негромких словах старого рубаки.

– Да полно вам, Пётр Александрович, – с деланой бодростью откликнулся он. – С чего такой страх? Государь не стар и полон сил. Вон, во время крушения поезда крышу вагонную на себе вынес. Не всякий Геркулес такое совершит.

– А крыша сама на императора рухнула? Или ей помог кто? – язвительно осведомился генерал.

– В любом преступлении ищи, кому выгодно, – твёрдо сказал Победоносцев. – Кому мешает государь? Внутренним врагам? Но революционное подполье сейчас фактически ликвидировано. Врагам внешним? Да, их много. С избытком даже. Но есть лишь один враг, – вечный, который не просто мечтает, чтобы императора не стало, а в состоянии ускорить его уход. Хватит на это и ненависти, и решимости, и возможностей. Вот как с императором Павлом когда-то... Не удалось возле Борок, так что ж? Застрахованы ли мы от новых покушений?

В голове Сергея, далёкого от политики, мысли устроили взволнованный перепляс. Не ждал он такого разговора, совсем не ждал... В словах обер-прокурора была несомненная логика, но и только. А чтобы строить такие предположения, нужно нечто большее.

– Всё убедительно, Константин Петрович, – медленно сказал художник. – Готов с вами согласиться, но... как бы это сказать... Покушение на цареубийство – штука страшная. Англичане там или не англичане, но, чтобы обвинять в таком, нужны твёрдые улики. А их, как я понимаю, нет.

– Так ты нам их и добудешь, – почти весело сказал вдруг Черевин. – А с чего бы это, по-твоему, мы с Константином Петровичем сватаем тебя в англицкое посольство писать портрет... как там её... мисс Элен? Езжай, работай, приглядывайся, стань своим. А там, глядишь, и улики найдутся. Тебе иголку в стоге сена искать не впервой. В Гатчине тогда справился, а посольство всё ж не город, – поменьше будет...

С удовольствием глядя на онемевшего Сергея, добавил насмешливо и ласково:

– Да и государя тебе спасать не впервой...

Глава третья

Арсению Калюжному повезло: за месяц до казни Александра Второго Желябов отослал несколько человек в Лондон. Допуская, что очередное покушение на императора вновь закончится неудачей и начнётся охота на революционеров, вождь народовольцев хотел создать резерв партии для грядущей борьбы. Уцелевшие товарищи подхватят упавшее знамя и пойдут дальше.

В число резервистов попал и Арсений. С подложным видом на жительство приехал он в Хельсинки, из Финляндии нелегально перебрался в Швецию, а уже оттуда пароходом поплыл в Англию. Это было его первое в жизни морское путешествие. Часами стоя на палубе и глядя на мутно-серые волны Северного моря, Арсений неторопливо размышлял о жизни прошлой и гадал, как сложится жизнь будущая.

Разночинец, сын пьющего тамбовского плотника и рано состарившейся прачки, в свои двадцать пять лет Арсений понял главное: никому на свете он не нужен. То есть нужен, конечно. Женщинам нравилась его молодая мужская ненасытность. Товарищи по партии ценили ум, силу и ловкость, умение безжалостно драться и спокойно убивать. Но и тем и другим человек по имени Арсений, в сущности, был безразличен. Так, ходячий набор полезных качеств и навыков. Уйдёт этот, – придёт другой. И только.

Единственной на свете, кто его любил и жалел, была мать. Но матери не стало уже давно, очень давно. В одну ночь двенадцатилетний Арсений стал круглым сиротой.

Однажды отец пришёл домой, как чаще всего, поздно и пьяный. Обычно мать безропотно помогала ему раздеться и укладывала на кровать за занавеской, – отсыпаться. Но в тот день с ней не рассчитались за выстиранное бельё, в доме не было ни копейки, да и нездоровилось. Вот она и не сдержалась, – вместо того, чтобы, по обыкновению, промолчать, накинулась на мужа со слезами и упрёками. Слово за слово, отец ударил её по лицу и ударил сильно. Мать упала навзничь, а падая, зацепилась головой об угол стола... Лежала на спине, – безмолвная, неподвижная, и только возле виска расплывалось тёмное пятно, окрашивая пол и волосы в тускло-багряный цвет. Отец растерянно оглянулся на остолбеневшего от ужаса Арсения.

– Что это ты, Прасковья... – неуверенно пробормотал он, становясь на колени возле жены. Потряс за плечи, заглянул в широко раскрытые безучастные глаза. Отпрянул. Хмель с него мигом слетел.

– Убилась! – взвизгнул он не своим голосом, лихорадочно крестясь.

Не соображая, что делает, Арсений схватил кухонный нож и со всего размаха всадил его в отцовскую спину по самую рукоятку. Потом ещё и ещё. Бил в шею, в затылок, в плечи, – куда придётся... Дикая крики отца становились всё тише. Потом и вовсе смолкли. Оскальзываясь в натёкшей крови, мальчонка вернулся к матери. Черты мёртвого лица разгладились и стали спокойны. Арсений закрыл покойнице глаза, оправил на коленях застиранную ситцевую юбку и вдруг понял, что её больше нет. И никогда не будет. Закричал страшно, завыл, захлебываясь слезами...

Соседи, прибежавшие на шум, с трудом оторвали парнишку от остывающего тела. Позвали полицию. Арсений цеплялся за холодную материнскую руку, вопил что-то несвязное, до крови укусил городского...

Следствие было недолгим, да и что расследовать очевидное? Учитывая ситуацию и невменяемое состояние маленького убийцы, суд приговорил его к принудительному лечению с последующим содержанием в исправительном заведении для несовершеннолетних. Единственная на весь Тамбов психиатрическая больница приняла двенадцатилетнего пациента.

Для Арсения началась новая жизнь, – во стократ горше прежней, хотя и прежняя-то не баловала. Нет, он не сошёл с ума. Просто в ту ночь сгорела душа, – безвозвратно. Сгорела дотла. В груди остался ледяной чёрный пепел.

В больнице Арсений задержался ненадолго. Через два месяца врачи сочли, что подросток вполне здоров, и его перевели в колонию. Там он и отбыл срок до совершеннолетия. Раньше Арсений ходил в церковно-приходскую школу, где худо-бедно научился читать и писать, однако настоящая школа – самая нужная – оказалась в колонии. Здесь он научился выживать.

Друзей не было, врагов – с избытком. Заключение, такие же подростки, своей юной бездумной жестокостью могли дать фору и взрослым уголовникам. Драки до крови, до увечий были обычным делом. От природы сильный и выносливый Арсений быстро доказал остальным, что с ним лучше не связываться. Он ничего не боялся и никого не щадил. Страх и жалость он потерял в одну ночь вместе с душой. В драке мог сломать палец, мог пнуть ниже пояса, мог выбить зубы. Цеплять его закаялись.

В шестнадцать лет, выйдя из колонии, Арсений устроился работать на небольшой завод. Брать не хотели, судимый же, но парень показал себя хорошим слесарем. В колонии подростков учили полезному ремеслу, и Арсению неожиданно понравилось возиться с металлом, – делать замки, ключи, всевозможные мелочи. Вот и пригодилось.

– Пьёшь? – подозрительно спросили в конторе, прежде чем принять на работу.

Арсений отрицательно покачал головой. Перед глазами стоял жуткий пример отца.

Работал он добросовестно, и Михеич, мастер, был доволен немногословным, всегда угрюмым юнцом.

Людей Арсений сторонился. На работе кое-какие отношения поддерживал разве что с парнем, работавшим рядом, – по необходимости. Звали того Прохором, возрастом был тремя годами старше. Как и Арсений, спиртным не баловался, но однажды зазвал напарника в трактир выпить пива. Показалось Арсению, что неслучайно. Сдувая с кружки пену и заедая пиво мочёным горохом, Прохор пытался завести разговор. Расспрашивал напарника, кто да что, чем интересуется, почему ходит вечно хмурый, есть ли девка на примете. Арсений отвечал немногословно и обвиняками. Желания откровенничать с Прохором не было, – с какой радости?

Скоротав в трактире пару часов, собрались по домам. Слегка хмельной Прохор выглядел раздосадованным: ничего он у Арсения толком не вызнал, но это его дело. Любопытному нос прищемили. Арсений даже ощутил лёгкое злорадство. Усталость после долгого дня он тоже ощущал. Уже представилось, как вернётся в свою каморку – снимал не за дорого, три целковых в месяц, – растянется на кровати и заснёт мёртвым сном... Кто ж знал, что их ждёт-поджидает на обратном пути?

Не успели отойти от трактира и ста шагов, как из темноты вышли и преградили им путь трое, – нестарые крепкие люди в штатской одежде, в шляпах-котелках.

– Прохор Федотов? – спросил тот, что повыше.

– Ну, допустим, – хмуро ответил тот. – Чего надо?

– Пойдёшь с нами, – буднично сообщил второй, крепко беря парня за руку. – Да не балуй, хуже будет. Стой спокойно, я сказал!..

– А ты кто таков будешь? – спросил третий Арсения, подходя ближе.

Тот пожал плечами.

– Да так, вместе работаем. В пивной посидели, идём по домам, а тут вы... А вы вообще кто?

– Полиция, коли не догадался ещё, – сказал высокий, усмехнувшись. И решил: – Тоже с нами пойдёшь. Там разберёмся, что ты за птица. Может, просто работаете вместе. А может, и в одной ячейке состоите...

– А-а, полиция. Так бы сразу и сказали...

И сильно, не раздумывая, ударил кулаком в кадык. Хороший такой удар, жестокий, отточенный в тюремных драках. Сбивает дыхание, ошеломляет до беспамятства. Высокий ещё стоял с прижатыми к горлу руками, хрипя и покачиваясь, словно размышляя, падать или погодить, а уже второй с истошным криком рухнул в грязь, получив не менее жестокий удар, – сапогом в пах. Третий, отскочив, выхватил револьвер, но выстрелить не успел. Согнулся. Завалился набок, кашляя и дёргая ногами. Арсений вытащил нож из пробитого живота, хладнокровно вытер о пиджак раненого и сунул обратно за голенище. Прохор стоял с выпученными глазами, туго соображая, что происходит, – слишком быстро и неожиданно развернулась ситуация. Арсений встряхнул напарника.

– Бежим, чего стоишь?

Бежали долго, сворачивая в улочки потемнее и побезлюднее. Отмахали километра три, прежде чем остановились передохнуть. Тяжело дыша, Арсений вытащил папиросы, протянул Прохору, но тот отмахнулся.

– Что ж теперь делать? – спросил он то ли Арсения, то ли себя.

Прислонившись к дереву, Арсений жадно глотал табачный дым.

– А хрен его знает, – откликнулся он. – Ясное дело, домой возвращаться нельзя. Заметут.

– А куда ж тогда? – глуповато спросил Прохор. Не очухался ещё небось.

Арсений сморщился.

– У вас в ячейке все тупые, или ты один такой?

– В к-какой ячейке?!

– Аж заикаться начал... В той самой, о который легавый сказал. Или тебя хотели загresti за кружку пива после смены? Не дури, Прохор. Пошли к твоим... ну, как вы там друг друга зовёте... товарищам, что ли?

– Это ещё зачем?

– Затем, что смываться надо, – тебе и мне. Значит, нужны новые документы и какие-никакие деньги. Пусть помогут. Сегодня же ночью рванём из города, и все дела.

– Но...

– И не говори, что у вас на крайний случай ничего не предусмотрено!

Прохор помолчал, задумался. Хмуро взглянул на Арсения.

– Ну, допустим, – сказал наконец. – Но ты мне сначала вот что объясни... Ты-то зачем в это дело полез? Да ещё кровь шпику пустил? Ну, взяли бы нас обоих, так тебя назавтра бы и выпустили, ни при чём ты здесь. А теперь... Или ты против власти?

– Тебя, дурака, пожалел, – огрызнулся Арсений, отворачиваясь. – Успеешь ещё на каторге нагуляться...

Чушь, конечно. Арсений никогда никого не жалел. Вот власть не любил до ненависти, это правда. При слове «власть» сами собой вспоминались голодные тяжкие годы в колонии, куда парня упёк суд. О том, что другого решения суд принять просто не мог, коль у Арсения на руках отцовская кровь, – об этом он просто не думал. Месть за убийство матери безоговорочно считал справедливой и ни о чём не жалел... вот разве о том, что не может дотянуться до судьи и прокурора, один из которых требовал наказания, а другой приговорил.

И всё же не одно лишь глубинное отвращение к власти заставили его уложить легавых. Со времён отсидки с Арсением творилось странное. Всякий раз, когда на него нападали или просто хотели обидеть, он делался сам не свой. Сознание словно отключалась, и не Арсений это уже был, – машина для жестокого боя, а доведётся, так и для убийства. В таком состоянии он не чувствовал ни боли, ни страха. Не раз, очнувшись после драки, он и сам удивлялся тому, что сделал с противником или противниками...

– Ладно, – сказал Прохор. – Пошли тогда. – И, помолчав, добавил: – А ловко ты их завалил. Может, и нам сгодишься. Я, в общем, сам к тебе приглядывался...

Арсений только пожал плечами. Ещё вопрос, кто кому сгодится.

Они пришли на окраину города. Прохор постучался в калитку маленького неказистого дома. Его впустили, Арсений остался на улице. Сел на скамейку у забора, поёжился, – в конце сентября уже было зябко. Закурив, начал вспоминать, не осталось ли чего важного в снятой каморке, куда хода больше не было. Хотя... что важного может быть у слесаря с невеликим заработком? Кое-какая одежда, немного белья, выходные ботинки, – вот, пожалуй, и всё. Да, ещё держал под матрацем вид на жительство. Но это уже неважно. Если Прохор договорится с товарищами, документ будет новый.

Ждать пришлось долго. Арсений даже задремал, привалившись спиной к забору. Но вот скрипнула калитка, и появился Прохор.

– На вот, держи, – сказал он, протягивая паспортную книжку.

Арсений кое-как сквозь темноту прочитал документ. Выходило, что теперь он уроженец села Дерябино Курской губернии, двадцати лет от роду, неженатый, православный, по роду занятий ремесленник, а зовут его отныне Василий Степанович Перебейнос.

– За такую фамилию душевное спасибо, – буркнул он, засовывая книжку во внутренний карман пиджака. – Денег-то дали?

Вместо ответа Прохор похлопал по карману и кивнул.

– Тогда на вокзал, – решительно сказал Арсений. – Только надо сообразить, куда билет брать.

– В Москву, – коротко откликнулся Прохор.

– Да? А почему именно в Москву?

– Есть к кому обратиться, – туманно сказал Прохор.

Ай да товарищи! Не подвели ведь...

В Москве Прохор с Арсением нашли тихую, далёкую от центра улочку в Китай-городе. Хозяин дома Иван Семёнович, очкастый старичок с интеллигентской бородкой, напоил чаем и внимательно выслушал рассказ о происшествии с полицейскими. С интересом расспросил Арсения-Василия, где тот научился убойной драке и понимает ли, что за расправу со шпиками, коли поймают, каторга обеспечена. А если раненый дал дуба, то и виселица маячит...

Спокойно и скупно отвечавший Арсений понимал, что это лишь присказка. И за простоватой внешностью старичка чувствовал цепкую настроенность бывалого человека, не привыкшего верить на слово.

Несколько дней они с Прохором отсыпались в маленькой определённой им квартире. Арсений скучал, Прохор нервничал. Но вот заявился Иван Семёнович с двумя бородатыми, хорошо одетыми людьми. Состоялась новая беседа, сильно смахивающая на допрос, после чего один из них сообщил: по наведённым справкам, раненый агент умер, Арсений как убийца установлен и объявлен в розыск.

– Жалеть нечего, одним тараканом меньше, – спокойно добавил другой. – Мы благодарны, что вы спасли от ареста нашего товарища, и готовы принять в свою организацию. А то, что прикончили шпику, – зачтём как приёмный экзамен. Подумайте...

Арсений согласился. Прежняя жизнь в одночасье кончилась, мосты сожжены, а чтобы жить дальше, надо чем-то заниматься и на кого-то опереться. Сводить счёты с властью в компании революционеров тоже занятие, – совсем даже не скучное. Уж по-любому веселее, чем залечь в тихом месте на дно, шугаясь каждого городского... Да и кто бы выпустил его с конспиративной квартиры в случае отказа?

Так Арсений вошёл в «Общество народников», – в общем-то, случайно. А вот в организацию вписался сразу, словно родился в ней. Среди товарищей он чувствовал себя своим. Как и они, для обычных людей он был чужаком. Обычные люди революционной горячкой не страдают, в царя не целятся и в полицейского ножом не суют. А вот те, кто ненавидят мир и власть, намертво спаяны сообща пролитой кровью и крепко держатся друг друга.

За годы между вступлением в партию и отъездом в Лондон произошло многое.

Поначалу Арсению доверяли главным образом техническую работу: отнести-принести письмо, доставить нужный груз, посторожить место встречи товарищей. Потом научили меткой стрельбе и обращению со взрывчаткой. А когда он собственноручно пристрелил следователя Антуфьева, засадившего в тюрьму трёх членов московской организации, с ним стали говорить на равных. Постепенно Арсений-Василий, несмотря на молодость, стал главным боевиком группы. Выделялся он силой, ловкостью, хорошей головой и абсолютным бесстрашием. Жизнь не баловала его, и он за неё не цеплялся. Как, впрочем, и другие товарищи.

Через некоторое время он перебрался в Санкт-Петербург. Желябов решил усилить столичную организацию, немало пострадавшую от энергичных действий полиции. Именно из Питера исполком партии рассылал распоряжения на места, именно здесь придумывались теракты, будоражившие всю Россию. Не где-нибудь, а на берегах Невы были вынесены приговоры и главе одесской жандармерии, и киевскому прокурору, и харьковскому губернатору. Вера Засулич ранила петербургского градоначальника Трепова, Степан Кравчинский заколол шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова. Простых полицейских, путавшихся под ногами, убивали вообще без приговора.

Ко многим из нашумевших дел был причастен Арсений, ранг боевика переросший. Не отказываясь от силы, ловкости и жестокости товарища, однопартийцы всё чаще при планировании терактов использовали его цепкий хитрый ум, поручали организацию подпольных типографий и мастерских по изготовлению динамита. Работал виртуозно и чисто. Прокол вышел лишь однажды в Рязани, когда по наводке провокатора Арсения взяли жандармы. Однако выкрутился, совершив невероятно дерзкий побег. С тех пор стал ещё осторожнее и злее.

Когда «Земля и воля» – так теперь называлось бывшее «Общество народников» – раскололась и возникла новая организация «Народная воля», Арсений без колебаний примкнул к ней. Ни в какое светлое будущее России он не верил и даже не думал о нём. Ну что ему Россия? Место, где угораздило родиться, только и всего. Во всём прочем империя сама по себе, он сам по себе. А вот убивать ему нравилось. Это не какая-то агитация среди рабочих с призывом бастовать. Это опасно и весело.

Он уже бесповоротно вошёл во вкус террора. В сущности, он и жил террором. Ничем другим Арсений просто не интересовался. Разумеется, его привлекали женщины, и еду хорошую он уважал, и чтобы деньги в кармане хрустели, – куда ж без мелких приятностей? Однако главное было убивать.

– Не бойсь, не бойсь, – тихо и ласково приговаривал он, глядя в выпученные от страха глаза приговорённого чиновника или жандарма.

При этом Арсений испытывал сильнейшее удовольствие, почти сладострастие. Иной раз даже тянул с выстрелом или ударом, лишь бы насладиться предсмертным ужасом жертвы. «Народная воля», сделавшая ставку на революционную жестокость, была ему по душе. Тем более что время размениваться на мелкие жертвы прошло. Впереди у партии была крупная цель. Самая крупная. Невозможно крупная – император.

Когда фактический глава народолюбцев Желябов отправил Арсения с другими товарищами в Лондон, тот сначала даже расстроился. Случится в России революция после казни Александра Второго или не случится, – это ещё бабушка надвое сказала. Сам Арсений в такое не верил, хотя вслух и не высказывался. Но человек, убивший царя, войдёт в историю, – вот в этом он не сомневался.

– Рысакову с Гриневицким, значит, доверяешь, а мне нет? – спросил он, исподлобья глядя на Желябова.

И тогда Андрей без обиняков объяснил, что простых бомбистов у партии достаточно, а вот людей, которые способны думать наперёд и организовывать работу в массах, шиш да маленько. И надо этих людей сберечь на будущее.

– В Лондоне тебя встретят и объяснят, что к чему, – многозначительно добавил он.

Арсений понял, что его берегут для какого-то специального дела, и желание спорить пропало.

...О том, что Англия – страна туманов его, конечно, предупреждали. Но действительность превзошла все ожидания. Непонятно даже, как пароход ухитрился найти причал и мягко пристать, – настолько густо висела в воздухе белёсая влага. Где-то на берегу, в толпе встречающих, его ждали. Было сыро и зябко. Арсений поплотней запахнул пальто. Им овладело странное и непонятное настроение. Туманный день, туманное будущее... Начиналась очередная новая жизнь.

Глава четвёртая

Человек, встретивший Сергея в гостиной английского посольства, был черноволос, высок ростом и крепок. Лет с виду тридцать пять, пухлощёкое лицо приятно, яркие губы раздвинуты в радушной белозубой улыбке. Тёмно-серый костюм выгодно облегает фигуру, подчёркивая широкие плечи.

– Мистер Белозёров, я полагаю?

Полувопрос-полуутверждение был задан звучным баритоном на неплохом русском языке.

– Мистер Фитч? – спросил, в свою очередь, Сергей, делая шаг навстречу.

Англичанин улыбнулся ещё радужнее и протянул руку.

– Он самый, мистер Белозёров. Мистер Фалалеев, должно быть, вам обо мне рассказал.

– Да, конечно...

Накануне художник сообщил письмом, что предложение нарисовать портрет дочери посла принимает и готов приступить к работе немедленно. Письмо отвёз в посольство импресарио Сергея Фалалеев. Послание было вручено помощнику посла мистеру Фитчу. С ним же состоялись переговоры о цене будущей картины. Сошлись на семи тысячах рублей, причём, как сообщил потирающий руки Фалалеев, треть суммы полагалась авансом. В другое время Сергей обрадовался бы – таких денег за портрет он ещё никогда не запрашивал, – однако теперь ему, в общем, было не до денег. Во всяком случае, в предстоящей работе они уж точно были не главное.

– Оу, вы знали, кого прислать! Ваш импресарио умеет торговаться! Но нас, англичан, торговлей не испугаешь, – с этими словами Фитч хохотнул. – Надеюсь, условия, на которых мы остановились, вас устраивают?

– Вполне, – лаконично ответил Сергей, с интересом вглядываясь в собеседника. Как всякий истинный художник, он был физиономистом и неплохо умел читать характеры по внешности. Сейчас он видел перед собой человека, довольного собой, ценящего жизнь с её радостями, с отменным пищеварением, – на это безошибочно указывал прекрасный цвет лица. Короче говоря, с виду гедонист гедонистом. Однако холодные искры ума в серых, глубоко посаженных глазах подсказывали, что человек этот вовсе не прост.

– Сейчас мы, если не возражаете, пройдем к послу. Он ждёт вас. И вы сможете познакомиться не только с ним, но и с мисс Элен, – предложил Фитч.

– Йес, о'кей, – щегольнул Белозёров.

– Оу, вы знаете английский?

– А как же. С десяток слов, не меньше...

Он не стал уточнять, каких именно. А дело в том, что одна из пассий Белозёрова в его гусарскую бытность, сушая британофилка, захлёб учила английский язык. И, между прочим, не пускала Сергея к себе в постель, пока тот не произносил, словно пароль, какую-нибудь фразу вроде «Ай лав ю, дарлинг» или «Ай вонт ту кисс ю». Хочешь не хочешь, а выучишь...

По мраморной лестнице они поднялись на второй этаж и зашли в обширную приёмную. Здесь кипела жизнь. Женщина за столом что-то проворно печатала на пишущей машинке «Ремингтон». Молодой человек, склонившись над стрекочущим аппаратом, изучал узкую телеграфную ленту. Другой человек облокачился кипой русских газет и делал какие-то пометки в блокноте, – вероятно, для доклада послу. Словом, все были при деле.

Фитч на секунду заглянул в кабинет и тут же пригласил Белозёрова.

Сидевший за необъятным столом Роберт Бернет Дэвид Мориер обладал внешностью незаурядной. На продолговатом лице выделялись мощный морщинистый лоб, массивный подбородок и монументальные бакенбарды, – единственная растительность на безукоризненно

лысой голове. Между лбом и подбородком безраздельно царил крупный нос с аристократической горбинкой. Уверенный взгляд чёрных глаз гармонично довершал облик человека сильного и властного, – под стать представляемой империи.

И всё же внимание Сергея сразу же привлекла совсем другая персона.

Изначально он вообразил себе дочь посла стандартной английской барышней. Ну, что-нибудь тощее, рыжее, веснушчатое – словом, довольно бесцветное. И заранее терзался извечной дилеммой художника: рисовать, как есть, или с комплиментом? В первом случае заказчик может обидеться. Во втором потрафишь заказчику, однако погресишь против истины... Но уже с первого взгляда Сергей понял, что никакой дилеммы не будет. Дочь посла буквально просилась на полотно.

На фоне отца с его квадратными плечами и короткой толстой шеей мисс Элен, стоявшая у стола, выглядела Дюймовочкой. Темноволосая девушка лет двадцати пяти несомненно была красива. Нежные черты лица, – и спокойный, твёрдый взгляд больших изумрудно-зелёных глаз. («Девушка-то с характером», – машинально отметил Сергей.) Стройная фигура с тонкой талией, – и высокая грудь, равно способная выкормить ребёнка и соблазнить мужчину... Одетая она была в черную юбку до пят и белую блузку с чёрным же шёлковым бантом на шее.

– Мистер посол, мисс Мориер, позвольте представить вам известного русского художника мистера Белозёрова, – церемонно произнёс Фитч.

Посол Её Величества королевы Виктории грузно выбрался из-за стола и сделал шаг навстречу Сергею. Выяснилось, что он среднего роста и коренаст. Рукопожатие было ожидаемо сильным. Последовала басовитая фраза на английском языке, из которой Сергей не разобрал ни слова.

– Мистер посол выражает удовлетворение по поводу того, что портрет его дочери будет рисовать столь талантливый мастер как мистер Белозёров, – перевёл Фитч.

Повернувшись к мисс Элен, Сергей поклонился. Девушка протянула узкую руку, и Сергей протокольно коснулся её губами. Рука оказалась тёплой, пряно пахнувшей духами.

Мориер пригласил всех за чайный столик, стоявший в глубине кабинета, неподалёку от разожжённого камина. По распоряжению помощника лакей принёс напитки, разную выпечку и английский вариант варенья – джем. Девушка сама разлила чай. «Угощайтесь, мистер Белозёров, возьмите бисквит». Посол предпочёл кофе с толикой коньяку.

С чашками в руках приступили к обсуждению деталей.

– Вы уже решили, в каком интерьере мисс Элен будет позировать? – спросил Сергей.

– Мы думаем про наш зимний сад, – сказал Фитч, поигрывая ложечкой. – Там очень уютно и хорошо. Но, конечно, последнее слово тут за вами.

– Надо посмотреть, – решил Сергей. – Однако в принципе мысль удачная. Растения дело живописное, вполне могут выгодно оттенить женскую внешность.

Мориер что-то спросил.

– Мистер посол интересуется, как долго, по практике, длится работа над портретом, – перевёл Фитч.

Сергей развёл руками.

– Это как пойдёт... Сначала эскизы, а холст уже потом. Обычно от десяти до двадцати сеансов, каждый по два-три часа. Больше, как правило, тот, кого рисуют, не выдерживает, – устаёт.

– Так значит, трудиться будете не только вы, но и я? – спросила девушка с улыбкой. Как и Фитч, она сносно говорила по-русски. Голос был низкий, приятный, – чистое контральто.

– Обязательно, мисс Мориер, уж не обессудьте, – с улыбкой же ответил Сергей. – Позировать – дело непростое.

После чаепития посол остался работать, а Сергей с мисс Элен и Фитчем прошли в зимний сад на первом этаже. Здесь к ним присоединилась высокая худощавая особа лет тридцати с

небольшим в скромном сером платье с белым воротничком, представленная Белозёрову как мисс Канингом. Как понял Сергей, – компаньонка посольской дочки.

В просторном помещении было очень тепло. Сергей с удовольствием отметил, что благодаря задней стеклянной стене, выходящей во внутренний двор посольства, здесь много света. Влажный воздух был густо пронизан смешанным ароматом растений. Вдоль стен в живописном беспорядке устроились крупнолистные пальмы и фикусы в высоких кадках, розы и орхидеи в горшках. Разросшиеся папоротники соседствовали с кустарником в мелких ажурных цветах.

Сергей обошёл сад, выбирая место и ракурс. С полчаса он пробовал разные варианты, и всё это время мисс Элен безропотно следовала за ним, садясь в плетёные кресла на фоне то фикусов, то папоротников, то просто окна. В конце концов художник усадил девушку рядом с пальмой и остался доволен.

– Оу, творческий поиск, – почтительно произнесла мисс Канингом, с интересом наблюдавшая скитания по саду, но Сергей только отмахнулся:

– Это ещё не творческий. Так, выбор диспозиции. Хотя тоже дело важное.

– А когда вы хотите начать? – спросил Фитч.

– Завтра же и приступим, – сказал Сергей. – Я бы предложил работать с десяти до часу, пять-шесть дней кряду. Потом день перерыва, – отдохнуть. И так пока не закончим. Годится, мисс Мориер?

– Вполне, – откликнулась девушка. – А после работы мы будем... как это по-русски... укрепляться.

– Наверное, подкрепляться? – предположил Сергей.

– Ну да. Час дня, – это у нас в Англии традиционное время для второго завтрака. Вы будете нашим гостем.

Сергей поклонился.

Напоследок он спросил, не найдётся ли какой-нибудь каморки, в которой можно было бы переодеться перед работой и хранить кисти с красками. А главное, убирать после сеанса незаконченную картину. «Нельзя, знаете ли, чтобы работу до окончания кто-нибудь видел, – сглазит ещё. Примета такая». Фитч заверил, что такая каморка найдётся и прямо рядом с зимним садом. «Мы её к завтрашнему дню освободим от инвентаря, а ключ отдадим вам на весь период работы». – «Спасибо. И ещё...» – «Говорите, мистер Белозёров. Всё, что в наших силах...» – «Меня привозить-увозить будет мой экипаж. Кучеру ждать по несколько часов придётся. Можно ли его на это время пускать в людскую, – ну, где посольская обслуга находится? Весна у нас холодная, а он бы там обогреться мог, чаю выпить...» – «Ну, конечно, можно, мистер Белозёров. Пусть сидит с нашими лакеями. Заодно языку поучит. У нас говорить по-русски обязаны все, – от дипломатов до лакеев. Таково распоряжение посла». Сергей невольно хмыкнул. «А вот мистер Мориер вроде бы по-нашему не объясняется?» Фитч коротко рассмеялся. «Не объясняется, это правда. Ему учить язык некогда, слишком занят. Да и зачем? Рядом столько переводчиков...»

Отвечая на все просьбы Сергея «да», Фитч улыбался, буквально излучал радушие, а на прощание крепко пожал художнику руку. Милейший человек, право.

По сведениям полковника Ефимова, британскую разведку на территории Российской империи возглавлял именно душка Фитч.

Глава пятая

С полковником Ефимовым Сергей познакомился в неприметном доме на Казанской улице, куда они вместе с Черевиным приехали на следующий день после разговора с Победоносцевым.

В недалёком прошлом военный офицер, Сергей жандармов недолюбливал. Их в обществе вообще не жаловали. Побаивались, – да. Тайная полиция обособлена, всезнающа и окутана завесой секретности. Её агенты нечувствительно проникли во все слои населения, они денно и ночью следят за умонастроением сограждан, и каждому в какой-то момент могут припомнить лишнее слово или неосторожный поступок. Ну, не по нраву русскому человеку с душой нараспашку, что существует специальный орган, незримо считающий скелеты в его шкафу.

Но, рассуждая здраво, нельзя отрицать полезность и даже незаменимость этого органа. Ведь что уже двадцать лет творилось в России? Небывалый разгул революционного террора. Стрельба, взрывы и кровь по всей империи. Гибель губернаторов, сановников, генералов. Цареубийство, которому предшествовали шесть неудачных покушений на Александра Второго. Предотвращённый заговор Генералова и Ульянова уже против нового самодержца. А если мрачная версия насчёт взрыва в царском поезде справедлива, то вот вам ещё один злодейский умысел, – к счастью, не сбывшийся. И как тут без тайного сыска? Да его впору усиливать и на жандармов уповать...

Можно ли уповать на Ефимова, Сергей не знал, но в первом приближении полковник ему понравился. В спокойной неторопливой речи и скупых жестах чувствовалась умная, несуетливая энергия, из разряда «Festuna lente» – «Торопитесь медленно». А что внешность самая обычная и ростом не вышел, так то не беда, – широкие плечи вкупе с цепким взглядом маленьких глаз под светлыми, еле заметными бровями говорили о силе внешней и внутренней.

Насколько понял Сергей, небольшая, просто обставленная квартира негласно числилась за жандармским ведомством и предназначалась для неафишируемых встреч. Да и Ефимов был не в мундире, а в обычном костюме-тройке. Первым делом познакомились.

– Сергей Васильевич согласен помочь в работе по английскому делу, – сообщил Черевин. – Как мы и надеялись...

– Отлично! – откликнулся Ефимов, потирая руки. – Тогда приступим.

Версию о том, что Сергей приглашён в посольство писать портрет неслучайно, Ефимов решительно поддержал, – возможно, сам и выдвинул. С его точки зрения, во время работы и общения с посольскими чинами попытка завербовать художника последует непременно. Ну и славно. Поломавшись для вида, следует согласиться. А сотрудничество с англичанами будем использовать в собственных целях. К таковым полковник относил и возможность передавать англичанам ложную информацию, и выяснение их намерений в части шпионажа, и – в идеале – поиск улик, свидетельствующих о причастности британского посольства – читай – правительства – к покушениям на императора.

– Позвольте, почему во множественном числе? – перебил Сергей. – Ну, предположим, взрыв царского поезда, а что ещё?

– Ну, во-первых, где одно покушение, там и два, – типун мне на язык, – сказал Ефимов, закуривая папиросу. – Чрезвычайно, я бы сказал, жизненно важно войти к ним в доверие и, по возможности, контролировать ситуацию, чтобы предотвратить худшее. А, во-вторых... Словом, есть предположение, что Генералов и Ульянов работали на английские деньги.

– Даже так? А почему возникло такое предположение?

– Прямых доказательств нет, но есть косвенные, есть логика развития событий. Об этом говорит время, выбранное для покушения. Начало позапрошлого года! Мы же тогда с Англией

балансируют на грани войны. Британцы требуют, чтобы мы убрались из Средней Азии, – до визга боятся нашего прорыва в Афганистан, а потом и в Индию. Угрожают вторжением в Балтийское море и чуть ли не бомбардировкой столицы. Ультиматум, фактически. А мы им в ответ твёрдый кукиш с маслом. Индия нам не нужна, пусть подавятся, однако свои позиции не уступим. Государь это заявил предельно жёстко и повелел мобилизовать флот, даром, что наш английскому сильно уступает. Англичане тогда стушевались и пошли на переговоры, – идти в лобовую пороку не хватило, но через короткое время, как черти из табакерки, вдруг выскакивают новоявленные народовольцы. – Ефимов глубоко затянулся и погасил окурочок. – А теперь представьте, что покушение удалось, не дай бог. И где бы сейчас была Россия? Ну, вы понимаете...

– Что ж не понять. В обществе было широко известно, что цесаревич Николай управлять страной не готов, – ни по возрасту, ни по врождённой мягкости характера. Не секрет и то, что в высших кругах, включая царскую семью, англоманов хватало с избытком. Случись худшее – и новый император неминуемо сдаст позиции, не устоит перед придворной камарильей, опасющейся конфликта с Британией, как огня...

– Так вы считаете, что народовольцев подготовили англичане и держали до нужного момента, как туза в рукаве? – озадаченно спросил Сергей.

Ефимов усмехнулся.

– Скорее как псов на привязи. А в нужный момент спустили с цепи... Конспираторы из этой публики хреновые, взяли их с поличным, но вот оружие у них было сверхубойное.

– Вы про бомбы? А что в них особенного?

– Да всё, – сказал вместо Ефимова молчавший до этого Черевин. – Мало того, что начинили железными обрезками и шариками. Взорвись такая, всех на десяти-пятнадцати метрах выкосит подчистую. А чтобы косила наверняка, в бомбу добавили цианистый калий. Щедро так, от души...

– Что?!

– Что слышал, Серёжа. Сапёры чуть не рехнулись, когда разобрались, что к чему. Всякое оружие у террористов было, но такого... Не наша это мысль насчёт яда, не русская. Нашему злодею такое и в голову не придёт. Зато британцу запросто. Они с нами от века не церемонятся, да и нация технически развитая. А убивать государя надо было наверняка, – тут уж все средства хороши, слишком многое на карте стоит. Вот как в начале века, с императором Павлом, Царство ему Небесное...

Черевин перекрестился. Собеседники последовали его примеру.

– А на допросах Ульянов или Генералов... ну и другие... насчёт связи с англичанами так-таки ничего не сказали? – спросил Сергей после паузы.

– Эту версию практически не отрабатывали, – нехотя произнёс Ефимов. – Упущение, конечно, и серьёзное. Это сейчас, после взрыва в царском поезде, задумались... Да и не так всё просто. Посольство действует не напрямую, а через сеть агентов. С народовольцами, конечно, работали наши же русские, нанятые англичанами.

Тут уж Сергей не выдержал:

– Что-то я не пойму, Виктор Михайлович... Англичане у нас что хотят, то и творят? Заговоры плетут, на императора покушаются? А где жандармы, полиция, контрразведка, наконец?

– А вы не горячитесь, Сергей Васильевич, – хмуро посоветовал Ефимов. – Всё у нас есть, все службы работают, но возможности, прямо скажу, не столь уж велики.

– Настолько невелики, что нельзя одно-единственное посольство проконтролировать? – выпалил Сергей.

– Ну, в какой-то мере контролируем. Следим за входящими-выходящими, например. Иначе как бы мы узнали, что англичане привезли вам письмо?

– Не обижайтесь, – невелик успех...

Ефимов развёл руками и оглянулся на Черевина.

– Как был гусар, так и остался, – беззлобно проворчал тот. – Что тут думать, рубить надо... При чём здесь посольство, Серёжа? Посольство, брат, – это так, верхушка айсберга. Всё намного сложнее.

– Чтобы вы знали, Сергей Васильевич, в Санкт-Петербурге постоянно проживает около двух с половиной тысяч англичан, – мрачно сказал Ефимов. – Считайте, вражеская армия под боком. Инженеры, врачи, учителя, гувернёры, конюхи, даже рабочие... А купцы! Одних купцов, будем говорить, восемьсот душ. А это люди с деньгами, с положением, – стало быть, с возможностями. Живут обособленно, наших к себе подпускают неохотно. Даже гувернанток для своих детей и тех выписывают из Англии. Клуб собственный держат на Галерной улице, куда русским хода нет, – разве что по специальному приглашению. Поди разберись, кто из них честно живёт и работает, а кто с разведкой накоротке... – Ефимов махнул рукой. – А русские эмигранты в Лондоне? Туда десятки народовольцев успели бежать, да и другой революционной публики со времён покойного императора понаехало немало. Многие, само собой, сотрудничают с англичанами. А у каждого в России остались какие-то люди, связи, ходы-выходы... Прямо скажу: сложно работать. Не хватает нас.

Сергей даже растерялся. Он и не знал, что в столице сложилась такая внушительная колония британцев, – шутка ли, две с половиной тысячи! Да за таким количеством людей и весь отдельный корпус жандармов не уследит...

– Схема их работы, в общем, ясна, – продолжал Ефимов. – Задачи ставит посольство, а местные англичане, связанные с разведкой, подбирают агентов-исполнителей, – уже из числа наших. Деньги, документы, в случае необходимости оружие или взрывчатку дают, но, в общем, работают чужими руками. А рук у них, как уже сказано, хватает. Недавно наш человек в свите великого князя Владимира Александровича сообщил, что вхожий в окружение князя коммерсант Поповкин ненавязчиво интересовался у его адъютанта, как идёт строительство новых военных кораблей на петербургских верфях, спрашивал про толщину брони, про калибр снарядов и всё в этом духе. С чего такой интерес у торговца английскими тканями?

– Да, с чего? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Полагаю, с того, что Поповкин теснейшим образом связан с купцом Эндрю Мюром, барыши от торговли с британцем получает солидные. Мюр же, в свою очередь, вице-президент английского клуба на Галерной и вхож к послу Мориеру. Для него превратить торгового партнёра в агента – раз плюнуть. И это лишь один пример, притом довольно безобидный...

– Так взять этого Поповкина за шиворот и спросить, как следует! – вскипел Сергей, но Ефимов только отмахнулся.

– Пустое! Что вы ему предъявите? Праздное любопытство у нас ненаказуемо. Отопрётся, – скажет, мол, в детстве кораблики строил, да не наигрался... Вызвали почтенного коммерсанта к себе и пальцем погрозили: ещё хоть раз проявит неуместное любопытство, всю его коммерцию в пыль сотрём. Для этого ни суда, ни следствия не требуется, а способы есть... Струхнул, само собой. «Всё понял, – говорит, – разрешите удалиться»? Мюра, конечно, предупредит, но это и неплохо, – тому какая-никакая острастка (а в его лице и посольским), совсем уже обнаглели...

Сергей собрался с мыслями.

– Ну, хорошо... – наконец сказал он. – Вот пришёл я в посольство, начал работать... А кто там вообще шпионажем заведует? Сам посол, что ли?

Черевин хмыкнул.

– Посол, конечно, в курсе дел, – произнёс он. – Однако это так, в общих чертах. Резидентом служит совсем другой человек.

Ефимов достал из кожаной папки лист бумаги и протянул Сергею.

– Вы, пока суд да дело, читайте, – предложил он, – а я самовар поставлю. Разговор впереди ещё немаленький...

Сергей нетерпеливо схватил лист и впился взглядом в ровные машинописные строчки.

«Фитч Эдвард Огастес, родился в 1852 году в Лондоне в семье генерал-майора Фитча Николаса Клиффорда. В 1877 году окончил факультет права Кембриджского университета. До 1880 года – практикующий юрист в конторе „Браун, Мортон и партнёры“. В 1880 году поступил на государственную дипломатическую службу. В течение двух лет стажировался в британских миссиях на Балканах – королевство Сербия, княжество Черногория.

По возвращении в Англию с 1882 года состоит в резерве Форин Оффис. Предположительно, именно в это время негласно перешёл в распоряжение секретной разведывательной службы и в течение трёх лет проходил соответствующую подготовку с прицелом на работу в России. С 1885 года – помощник посла Великобритании в России в ранге советника посольства. Приблизительно с этого времени отмечена активизация английской разведки на территории Российской империи: налаживание связей с либеральными кругами, сбор сведений о состоянии армии и флота, о строительстве железных дорог, о состоянии финансов и пр.

Личные качества: умён, хладнокровен, быстро реагирует на происходящее. Хорошо ориентируется в истории, в общественной и политической ситуации в России. Физически крепок и развит.

Личные пристрастия: гурман, спиртное употребляет умеренно, увлекается спортом (любимые виды – бокс, фехтование). Не женат».

– Вот всё, что нам о нём известно, – сообщил разжигающий самовар Ефимов, когда Сергей отложил документ в сторону. – Мало, конечно. Да и это собирали с миру по нитке... – Помолчав, добавил: – Хотя на Фитча мы обратили внимание ещё во время его работы в Сербии и Хорватии. На Балканах у нас, чтобы вы знали, сильный, очень активный резидент. Там он не раз сталкивался нос к носу с этим Фитчем. Приедет англичанин в какой-нибудь город или деревню якобы по консульским делам, побудет несколько дней, да и обратно. А через неделю-другую в этом месте вдруг вспыхивают беспорядки. Люди начинают бунтовать, за ружья хватаются, полицию гоняют... Власти, само собой, вводят войска, начинают казнить и сажать в тюрьмы. Россия, натурально, заявляет протест против избиения братьев-славян. И снова, спасибо британцам, нет покоя на Балканах, – мрачно подытожил полковник. – Вот помяните моё слово: там однажды так полыхнёт, что вся Европа на дыбы встанет. А может, и не только Европа...

Подоспел самовар. Заварив чай, Ефимов с усмешкой развернул вкусно пахнущий свёрток.

– Вот, угощайтесь. Пицца врагов. Прикупил по пути в английской кофейне на Невском.

– Бутерброды? – спросил Черевин, приглядываясь к продолговатым ломтям белого хлеба с начинкой между ними.

– Вроде того. Сэндвичи. С беконом, с курятиной. Овощи тут ещё какие-то...

Некоторое время жевали молча.

– А что, недурно, – резюмировал Сергей. – Есть можно, а второпях так и вовсе за милую душу.

– У них вообще много хорошего, – откликнулся Ефимов. – Сталь прекрасная, ткани отменные, флот сильнейший в мире. Коммерсанты с банкирами вообще непревзойдённые. – Отхлебнув чаю, признался: – Когда был помоложе, душа кипела – как так? Великая же страна! Великие писатели, великие учёные... А в политике Англия – суцая гиена, прости Господи. За выгоду любого удавит: хоть Россию, хоть кого угодно. Ни совести, ни чести... Точнее, и то и другое присутствует, – но в своём понимании. Вот с кем дело иметь придётся, Сергей Васильевич... – И без перехода спросил: – Вы, кстати, Шекспира читали?

Сергей замаялся.

– Да как-то не довелось...

Он мог бы добавить, что военная служба, а потом стремительное развитие карьеры художника на чтение времени не оставили. Пушкина с Гоголем стараниями матушки в детстве одолел, и то хорошо.

– Надо будет хотя бы перелистать, – заметил полковник. – В посольских беседах пригодится. Неплохо бы также посмотреть биографию Ньютона, Свифта, ещё кое-кого из знаменитостей... Я вам нынче вечером книг пять-шесть пришлю. Знатоком Англии не станете, но вершков нахватаетесь. Ровно столько, чтобы изображать из себя начинающего англомана.

– А ещё кого придётся изображать? – мрачно спросил Сергей.

Ефимов пожал плечами.

– Больше никого. Вообще будьте самим собой. Разве что, малость бравируйте своим военным прошлым. Тут важен момент психологический. Военные, не в обиду, сплошь и рядом – люди хоть и достойные, но... как бы это помягче... не мыслители. – Черевин засопел. – А в общении с человеком недалёким противник невольно расслабляется. Может сказать что-то лишнее, чем-то себя выдать. А мы это на ус, на ус...

– Ну, допустим. А не боитесь, что англичане, прежде чем пустить к себе, начнут меня проверять, – кто да что? Каким-то образом узнают про мои отношения с вами, с Константином Петровичем?

– Пусть проверяют, – спокойно сказал Черевин. – Твоя связь со службой охраны нигде не отражена. Всё на словах. А то, что ты в высшем обществе нарасхват, так это спасибо таланту и удаче... Да и с чего им тебя проверять? Не ты напрашиваешься, – тебя зовут.

– Случись проверка, мы только выиграем, – вклинился Ефимов, поднимаясь. – Уже тот факт, что Сергей Васильевич в своё время ушёл в отставку из-за разногласий с военным министерством, говорит в его пользу. В глазах англичан он будет выглядеть человеком, которого обидела власть. Для них – самое то.

Быстро убрав со стола, полковник вернулся из кухни и деловито сказал:

– Ну, червяка заморили, теперь к делу.

– А до этого что было? – удивился Белозёров.

– До этого, Сергей Васильевич, был свободный обмен мнениями на интересующую тему. А теперь будем ставить задачи. На что обращать внимание, о чём разговаривать, как держать связь и дальше по списку. Предупреждаю, – список длинный...

Глава шестая

Первые дни Сергей работал с альбомом, – делал наброски. Мисс Элен часами прилежно позировала в кресле, стараясь не шевелиться, и лишь длинные тонкие пальцы тербели пояс лёгкого платья салатного цвета со скромным декольте. Платье помог выбрать в гардеробной Белозёров. Оно хорошо гармонировало с буйной зеленью зимнего сада и изумрудными глазами англичанки. Впрочем, красивой женщине всякий наряд хорош.

Время от времени Сергей делал перерыв, чтобы мисс Элен могла встать и размяться, а он выкурить папиросу. Компанию составляла девушка, которая, как выяснилось, тоже курила, – специальные дамские папироски через деревянный мундштучок. Курила и мисс Канингем, на правах компаньонки делившая с дочерью посла время позирования. При этом разговаривали, а вернее, болтали о всякой всячине. Словом, привыкали друг к другу.

После работы поднимались в столовую, где к часу дня уже был накрыт стол. Вообще-то у англичан этот приём пищи считался вторым завтраком, но по времени – обычный российский обед. Не считая Сергея и мисс Элен с мисс Канингем, к столу постоянно выходили посол Мориер, Фитч, первый секретарь посольства Роберт Крайтон, пресс-атташе Джулиус Харт. Порой присоединялись и другие дипломаты. Подавали традиционные британские блюда: салаты, жареное мясо или рыбу с картошкой, непременно фруктовый пудинг. Всё это запивалось чаем, а иногда и пивом.

Дипломаты во главе с Мориером выглядели довольно чопорно, вели себя сдержанно, разговаривали неторопливо, смеялись негромко. Особенно впечатлял Крайтон, неизменно сверкавший моноклем в правом глазу. (У Сергея чесались руки нарисовать карикатуру на почтенного дипломата.) А эти прекрасно сшитые костюмы из дорогой ткани, сверкающие ботинки и белоснежные манжеты, безукоризненные проборы и шёлковые галстуки, ниспадающие в глубины застёгнутого на все пуговицы жилета! Всегда хорошо одевавшийся Белозёров порой чувствовал себя неуютно, – уж очень rispetабельно выглядели англичане.

Взгляд отдыхал только на Фитче. Не менее лощёный, чем соотечественники, советник в силу природной живости характера вёл себя более свободно и в этом смысле чем-то напоминал русского. И говорил громче других, и смеялся от души, и общие темы для застольных бесед находил.

– Какое счастье, что вас рисует русский художник, мисс Мориер, – сказал он как-то, обращаясь к дочери посла.

– Почему же? – спросила девушка. – То есть я, конечно, рада позировать мистеру Белозёрову...

– А вы представьте, что ваш портрет пишет какой-нибудь француз-импрессионист. Ну, там Ренуар или Дега, неважно. Все они на один манер. И вышли бы вы на полотне в совершенно размытом, бесформенном виде, с нарушенными пропорциями лица, да ещё ярко раскрашенная. Какая-нибудь голубая балерина или даже обнажённая спартанка... А русские художники рисуют главным образом в традиционной манере. И на портрете мы вас как минимум узнаем, – добавил он совершенно серьёзным тоном.

Наступила тишина.

– Ну, голубая балерина – ещё куда ни шло... – задумчиво сказала мисс Элен.

Фитч засмеялся. Посол засопел и отложил нож с вилкой.

– Ещё нам импрессионистов не хватало, – кисло сказал он. – В прошлом году, во время отпуска, Элен повела меня в Париже на выставку Манэ. Или Монэ? В общем, кого-то из них. Я, конечно, не знаток, но это же просто художественное хулиганство! Собралась кучка плохо рисующих людей с целью эпатировать публику. А несовершенство рисунка маскируют кричащими красками. Вот вам весь импрессионизм.

– Чего ещё ждать от французов? – сухо заметил Крайтон. Прозвучало так, будто от французов он всё же чего-то ждал и теперь в ожиданиях обманут.

– А что по этому поводу думает мистер Белозёров? – поинтересовался пресс-атташе.

Сергей пожал плечами. О новом живописном течении в России пока что знали мало. Были кое-какие газетные публикации, отзывы побывавших во Франции художников, – вот и всё.

– Меня в Италии учили классической живописи, – сказал он. – Да я и сам её с детства предпочитаю. Поэтому за мисс Элен можете не переживать, мистер Фитч, непременно узнаете. – Хихикнув, советник привстал и поклонился. – Но вообще-то каждый художник видит мир по-своему, – добавил он справедливости ради. – Стало быть, имеет право отступать от канонов, экспериментировать. Почему нет?

– Эксперименты, сэр, сплошь и рядом плохо заканчиваются, – назидательно сказал Мориер. – И вы, русские люди, знаете о том лучше других.

– Почему же?

– Вспомните своего императора Александра Второго, упокой Господи его душу. Освобождение крепостных крестьян – благое дело. В цивилизованных странах низшие сословия уже давно сбросили путы рабства. Либеральные послабления в общественной жизни и подготовка конституции сами по себе тоже прекрасные начинания. Но чем закончилось в России? Бомбами народовольцев и гибелью самодержца. Так и до революции недалеко. А если бы император правил страной традиционно, по примеру отца и деда, лишь понемногу отпуская вожжи, всё было бы по-другому. Вы согласны, мистер Белозёров?

Увы, доля истины в словах посла была. Не секрет же, что покойный император на излёте жизни и сам жалел, что поторопился с общественными преобразованиями. Но соглашаться с послом не хотелось, – напротив, разбирало желание осадить британца и посоветовать не лезть в чужой огород. И если бы не инструкции полковника Ефимова, Сергей кое-что послу сказал бы. Но теперь он лишь развёл руками и слегка улыбнулся.

– Россия... Не можем без крайностей, – сказал он, словно извиняясь. – Опять же от цивилизованных стран отстаём, что уж там. В Англии с Францией революции уже позади, а у нас, может быть, ещё впереди. Не дай бог, конечно.

Крайтон медленно повернул голову в сторону Сергея, льдисто блеснув моноклем.

– К счастью, нынешний император правит жёсткой рукой и вряд ли повторит ошибки родителя, – заметил он. – Насколько можно судить, революционное подполье в России разгромлено и больше не представляет опасности. Страна полностью стала на консервативные рельсы, и это несколько не мешает её развитию. Новые заводы и железные дороги, твёрдые финансы, внутренний порядок и общественное спокойствие... Великобритания впечатлена, сэр.

«Настолько впечатлена, что плетёт заговор против государя...» Сергей мимолётно пожалел, что нельзя дать Крайтону по сопатке, – в лучших гусарских традициях. Вместо этого сделал задумчивое лицо.

– Так-то оно так... Заводы, фабрики, финансы, – это всё хорошо. Урожаи опять же из года в год растут. А вот насчёт внутреннего порядка и разгрома подполья... тут ещё бабушка надвое сказала. Я бы, к примеру, не был так уверен.

Выслушав быстрый перевод Фитча, посол пожевал губами.

– Что вы имеете в виду, мистер Белозёров? – спросил он.

– Ну, как же? А покушение на государя? Ну, Ульянова с Генераловым?

Посол пожал квадратными плечами и вытер рот салфеткой.

– Агония народовольцев, я полагаю, – спокойно произнёс он. – Последние судороги, и ничего больше. К тому же ваша тайная полиция прекрасно справилась с делом, заговорщиков схватили и наказали.

– Тогда – справилась. А вот прошлой осенью, похоже, не справилась.

Фитч удивлённо посмотрел на Сергея.

– О чём вы, мистер Белозёров?

– Я о крушении царского поезда в октябре, – многозначительно сказал Сергей.

Мисс Элен быстро перевела. В столовой повисла тишина. Фитч переглянулся с послом и решительно произнёс:

– Не понимаю. Я своими глазами читал в ваших газетах отчёт комиссии Кони-Витте. Там чёрным по белому написано, что причиной крушения стало превышение скорости движения, низкое качество железнодорожного полотна... ещё что-то в этом духе. Причины чисто технические, никакого криминала. При чём тут полиция?

– Эх, мистер Фитч... В газетах много чего пишут, да не всему верить надо.

В разговор вступила мисс Элен. Улыбнувшись, девушка положила ладонь на руку Сергея и слегка сжала.

– Вы сегодня такой таинственный, Сергей Васильевич, – сказала она с чрезвычайно милым акцентом. – Почему мы не должны верить отчёту комиссии?

– Отчего же, – в технической части верить можно. И скорость превысили, и дорожное полотно с изъянами... Но мне один человек как-то сказал, что главной причиной крушения был взрыв. Кто-то подложил бомбу в царский поезд. Вот он с рельсов-то и сошёл.

Заговорить с англичанами о взрыве в царском поезде попросил Ефимов. Важно было посмотреть, как дипломаты отреагируют. После диверсии прошло пять месяцев, эхо взрыва улеглось в прямом и переносном смысле. Британцы наверняка были уверены, что покушение, пусть и не удавшееся, сошло им с рук, никому ничего не известно. И вдруг такая новость... «Запустим им ежа в штаны, – недипломатично выразился Ефимов. – Пусть поволнуются, пусть начнут гадать, о чём известно полиции...» – «А что это нам даст?» – спросил Сергей. «Как минимум, умерят прыть, – хотя бы на время. А вообще-то, когда враг дёргается, это хорошо. Хуже, когда он работает спокойно и системно. Вот как сейчас... пока».

Выдав сообщение, Сергей откинулся на спинку стула, зорко следя за произведённым эффектом.

Был эффект, был. Мисс Элен всплеснула руками и произнесла известное Сергею выражение «О, My God!» На лице мисс Канингем проступил испуг. Но это ладно. Интересовала главным образом реакция Фитча. А она была очень даже любопытной. Он обменялся с послом быстрыми взглядами, и если Сергей не путал, то было в этих взглядах не только естественное удивление, – тревога была самая настоящая. На мгновение губы англичанина нервно сжались, густые брови насупились.

Прерывая затянувшееся молчание, посол откашлялся и произнёс:

– Удивительно... А вы сами в это верите, мистер Белозёров?

– Ну, как сказать... Так-то о чём только не болтают, – откликнулся Сергей с видом простодушным и многозначительным одновременно. – Но вообще-то человек, рассказавший мне о взрыве, вполне серьёзный. И шутить не любит, и брат в корпусе жандармов служит. От него и узнал. Приятель мой, может, и не рассказал бы, но выпили мы в тот вечер изрядно, потому и разговорился... В общем, лично я склонен верить. У нас царские поезда сами по себе, слава богу, ещё под откос не падали.

– Но в газетах о том не было ни слова, – заметил пресс-атташе Харт.

Сергей хмыкнул.

– Вы по своей-то прессе не судите, – посоветовал он. – Это вашим газетам рот не заткнёшь. А нашим очень даже можно. Особенно если за дело взялась полиция и не хочет шума. Быстренько редакторам объяснят, о чём писать, о чём не писать. Так что если газетчики чего и накопили, то будут молчать до особого распоряжения.

– Да, неожиданный поворот, – сказал Фитч, жёстко щурия глубоко посаженные глаза. – Кто бы мог подумать... Но, если так, кто же злоумышленники? Ваш приятель об этом что-нибудь сказал?

– Да он сам мало что знает. Сказал только, что работали народовольцы, кто же ещё? Не всех, стало быть, переловили да перевешали. Ну, ничего, – полиция разберётся. Она у нас всякая разная, но уж если след взяла, рано или поздно докопается. И, может, революционный чертополох наконец с корнем выдерут.

На этой бодрой ноте обед и закончился.

– А с вами интересно, Сергей Васильевитш, – сообщила мисс Элен на прощание.

– Спасибо... А почему?

– Вы, оказывается, человек информированный.

Сергей хохотнул.

– Ну, не то чтобы очень... С другой стороны, в стольких домах бываю, столько портретов пишу... Поневоле много чего наслушаешься. Художник ведь, пока работает, – это почти что член семьи.

– Ах так? Ну, теперь ясно, почему я сразу почувствовала к вам расположение, – сказала девушка вроде бы в шутку, но при этом одарила Белозёрова взглядом вполне серьёзным.

Глава седьмая

Нельзя сказать, что Лондон Арсения уж так удивил. Последние годы боевик прожил в Санкт-Петербурге и Москве, а все большие города разительно похожи друг на друга: многолюдьем, яркими витринами магазинов и ресторанов, обилием конных повозок на улицах, – от простых двуколок до роскошных карет. Правда, на дорогах Лондона изредка попадались ещё невиданные в России дымящие локомотивы на колёсах или, как их тут называли, автомобили.

Чужбина – не сахар, привыкалось трудно. Тут и речь другая, и порядки, и деньги, – всё другое. Люди другие, вот главное. Думают иначе, чем русские. Рехнулись на законах и спорте, по любому поводу готовы биться об заклад. Любят кричать «Боже, храни королеву!», молитвенно закатив глаза к небу. Петушинный бой собирает толпу, какой православный храм не видел и в Троицу. Городовых в шапках с козырьком и высоким верхом величают просто «бобби». Попробуй нашего городского назвать Петькой или Васькой, – тут же в рыло схлопочешь... И много ещё чего раздражало своей непохожестью на русские нравы и обычаи. А когда в соседнем трактире на завтрак предложили отведать ослиного молока, Арсения чуть не стошнило...

– Ничего, привыкнешь, – утешал Дмитрий, смеясь необидно.

В Лондоне Дмитрий Столяров был доверенным лицом Желябова в русской революционной общине. Это он встречал Арсения на пристани. От него-то парень, оторвавшийся в долгом путешествии от событий, сразу узнал новость, уже долетевшую до Лондона: покушение на Александра Второго удалось. Императора взорвали, но и от партии мало что осталось. Желябова, Перовскую, Кибальчича и многих других уже схватили, со дня на день ожидается вынесение приговоров. Понятно, каких...

– А что народ? – хмуро спросил Арсений, останавливаясь и ставя чемодан на мостовую. – Всколыхнулось где-нибудь?

– А как же, – ответил Дмитрий. Растоптал окурок и тут же нервно достал новую папиросу. – В разных губерниях целые демонстрации прошли: требуем казнить, мол, царевича лютой смертью... Быдло проклятое! И ради них, ради этой сволочи наши товарищи... лучшие люди России... на эшафот, на каторгу...

Недоговорив, отвернулся. Арсений положил руку на плечо, сказал решительно:

– А ты чего ждал? Что мужички все, как один, кинутся свергать власть? Полицейские участки громить, барские усадьбы жечь? Цена людишкам нашим пятак в базарный день. Правильно говоришь, – быдло... Другого народа нет, вот беда. Ты не раскисай.

– Да не раскисаю я, – сквозь зубы сказал Дмитрий. – Некогда тут раскисать. И тебе дело будет, не сомневайся. А за Андрея, за Николая с Софьей и других наших отомстим. Отомстим безжалостно, беспощадно! Палачей уничтожим, Россия кровью умоется! – с надрывом добавил он, повышая голос.

«Тоже мне, Аника-воин...» Арсений поморщился. Пафос он терпеть не мог. Кивнув на чемодан, обронил:

– Мне бы устроиться для начала.

– Ну да, ну да, – закивал Дмитрий, улыбнувшись неловко. – Что-то я тебя заговорил с порога... Поехали, поселю на квартиру. Приведёшь себя в порядок, выспишься, а завтра уже и поговорим, обсудим, что к чему. С товарищами познакомлю.

Кликнув извозчика, повёз Арсения в Ист-Энд.

В Лондоне говорят: «Вест-Энду достались деньги, а Ист-Энду грязь». Пролетарский восток английской столицы десятилетиями напролёт, изо дня в день, коптил небо своими заводами, фабриками, красильнями. Им вторили густо чадающие пароходы и катера, во множестве бороздившие Темзу. На улице Петтикоут-Лейн сажа чёрным жирным снегом густо припорошила жёлтые двухэтажные дома, – в одном из них Дмитрий поселил Арсения. Да и дышалось

тут тяжело. Знаменитый английский смог, словно тёмный грязный саван, укрывал домаи чахлые деревья, людей и реку. Неуютно, бедно, невесело... В этом же районе жили и другие товарищи.

А вот как жили?

Русская революционная община в Лондоне была невелика, – несколько десятков человек. Старшими в общине считались народник Лавров и анархист Кропоткин. Пёстрый был народец, разношёрстный, погрязший в идейных разногласиях. Каждый – от разночинца до дворянина – ненавидел власть, каждый жаждал свернуть шею царизму, но никак не могли сойтись в методах. Собираясь на своих тесных квартирах, обсуждали новости из России, спорили до ругани, хватали друг друга за грудки и никак не могли прийти к общему мнению.

– Почему власть в России творит всё, что хочет? – громко спрашивал худой длинноносый брюнет Кацнельсон, обводя товарищей гневным взглядом угольных глаз, и сам себе отвечал: – Потому что народ наш исконно крестьянский живёт в беспросветной нищете и несправедливости. Просветить его, объяснить, что все люди рождаются свободными и равными в правах, – вот наш долг, вот наша задача. Только просвещённый землепашец способен на революционный протест, разве неясно?

– Просвещали уже, – бесцеремонно перебивал русобородый Данилов, яростно пыхтя папиросой. – Забыл, что ли, как тридцать лет назад студенты ходили в народ, – разъясняли, агитировали? А чем кончилось? Землепашцы твои любезные вязали их, как баранов, и сдавали местным исправникам. Вот тебе и всё просвещение. Ты хоть раз живого крестьянина видел, теоретик? Тёмные они, тупые, забытые.

– Революцию делают не букварями, а бомбами, – скрипел коротышка Игнатов. – Чем можно всколыхнуть народные массы, да так, чтобы до печёнок пробрало? Только террором!

– Много твой террор помог, да? – гортанно возражал скептик Восканян. – Вот только что царя в расход пустили, а революции как не было, так и нет. Зато, считай, партию потеряли... Дороговато Алексашка обошёлся, а?

Дальше начинался гвалт, в котором терялась нить спора, а порой и здравый смысл в придачу.

Однако при всех разногласиях революционеры цепко держались друг за друга. Кухонные споры и посиделки под дешёвый виски или просто чай были лекарством от тоски по родине. Собравшись вместе, можно было ненадолго забыть о чужом неуютном Лондоне, вспомнить русские берёзы, спеть «Дубинушку» или «Эх ты, степь широкая». В свободное же от посиделок время, забыв о спорах, товарищи рука об руку выпускали журналы «Хлеб и воля», «Накануне», «Народоволец». Революционные брошюры и листовки тоже выпускали. Всё это бумажное добро каким-то образом уходило в Россию и растворялось на бескрайних просторах империи.

Побывав на двух-трёх революционных вечеринках, Арсений решительно сказал Столярову:

– Что-то я не пойму, зачем Андрей меня сюда прислал. Лясы точить по вечерам? Чай на кухнях гонять? Так я по другой части. Ты вроде говорил, что будет мне какое-то дело. Когда и какое?

Столяров покачал головой.

– Насчёт «лясы точить» – это ты зря, – неодобрительно заметил он. – В таких вот спорах рано или поздно родится революционная истина... А дело тебе есть. Перво-наперво должен ты выучить английский язык. Да так, чтобы от зубов отскакивало. Для этого со следующей недели вместе с пятью нашими товарищами начнёшь ходить на специальные курсы на Уайтчепель Хай-стрит. Здесь неподалёку. Курсы организовали местные филантропы, специально для русских эмигрантов.

Арсений разозлился.

– Да на кой мне ляд этот язык? – хмуро спросил он. – Я что тут до конца жизни торчать собрался? Я на такое дело не подписывался.

– Не дури! – резко сказал Дмитрий. – Сказано выучить, значит, выучишь, как миленький... Ты пойми, – продолжал он уже спокойно, – здесь, в Англии, есть люди и целые организации, которые нам сочувствуют. Помочь могут много чем. С ними надо общаться, договариваться, – словом, работать. Ты парень умный, опытный, хотим тебя привлечь к этому делу. А как ты будешь с ними объясняться? На русском, что ли?

– Что за люди? Что за организации? – спросил Арсений, глядя исподлобья.

– А ты не торопись, – посоветовал Столяров, кладя руку на плечо. – Знаешь, как в Англии говорят? «Step by step». Шаг за шагом, значит. Дойдёт и до конкретных задач. А пока считай, что курсы – это твоё партийное поручение.

С курсов-то всё и началось.

Учились по вечерам в муниципальной школе Уайтчепеля. Маленькое здание и небольшой класс с неказистыми столами и стульями напомнили Арсению собственную церковно-приходскую школу. Унылая печать бедности навсегда проштамповала обшарпанные полы и стены комнаты. Но вот преподавательница мисс Деррик оказалась выше всяких похвал.

Девушка была привлекательной... нет, не так. Красивой она была, и очень: высокая, темноволосая, с тонкой талией, с продолговатым лицом, на котором светились большие глаза, а черты были невыносимо правильны. Сметанно-белая кожа, ровные зубы, изящная, без единой морщинки, шея... Бриллиант, блеснувший вдруг сквозь туманы Ист-Энда. При виде мисс Деррик Арсению стало неловко за свой дешёвый клетчатый костюм и скрипучие башмаки, купленные на рынке в Петтикоут-Лейн. Да и вообще как-то неловко...

Уже на второй неделе занятий выяснилось, что в маленькой группе революционеров лучший студент – это Арсений.

– У вас несомненные способности к языку, мистер Овчинцев, – сказала как-то учительница после урока. (Тут надо пояснить, что за последние годы Арсений сменил несколько паспортов и в Лондон прибыл под именем Петра Семёновича Овчинцева.) По-русски она говорила неплохо, с каким-то мягким акцентом. И голос был мягкий, звучный.

– Спасибо на добром слове, коли не шутите, – осторожно сказал непривычный к похвалам Арсений.

– Почему же я шучу? Через несколько месяцев занятий вы будете говорить, как настоящий англичанин. Если, конечно, не утратите прилежания.

Девушка мило улыбнулась, и у Арсения защемило сердце: до чего хороша!

Глаза, конечно, были не только у него. Другие студенты откровенно пялились на мисс Деррик и между собой обсуждали достоинства её фигуры, гадая, какова она в постели. Арсения эти разговоры бесили. Кончилось тем, что он приватно побеседовал с каждым товарищем. Объяснил, что на курсах надо учиться, а на учительницу глазеть не надо, потому что... ну, потому что. Все кроме одного поняли правильно. А тот, воронежский народоволец Улиткин, заочевряжился, – мол, не его, Арсения, собачье дело, на кого ему, Улиткину, глазеть. Однако, заработав синяк на скуле и фонарь под глазом, правоту товарища по партии признал...

– О чём задумались, мистер Овчинцев? – спросила девушка, легко коснувшись руки Арсения.

Ну, как ей объяснить, что у него давно уже не было женщины? Задумаешься тут... Как-то, не выдержав, Арсений привёл к себе дешёвую шлюху, – много их гнездились на кривых улочках Уайтчепеля. Снял на ночь, но уже через полчаса, давась брезгливостью, сунул обещанную монету и выгнал. А потом долго мерещился душный запах немытого истасканного тела...

В классной комнате, тускло освещённой газовыми рожками, они были одни. Да и во всей школе, наверно, кроме сторожа, никого не осталось... Арсений решительно встал и облапил сидящую мисс Деррик. Сопя, впился в розовые губы жадным поцелуем. Схватил за грудь. Краем глаза при этом взял на заметку школьный стол, на котором вполне можно устроиться, – без комфорта, само собой, но чёрт с ним, с комфортом...

А вот что произошло дальше, Арсений сразу и не понял.

Тонкие руки, вдруг ставшие очень сильными, оттолкнули его (да какое там оттолкнули, – отшвырнули!), и Арсений отлетел шагов на пять.

– Разве можно так обходиться с дамами, мистер Овчинцев? – укоризненно спросила мисс Деррик, поднимаясь и поправляя разметавшиеся волосы. – А я-то полагала вас джентльменом.

Издевается, что ли? Арсений рассвирепел.

– Да ты, сука, ещё ломаться вздумала! – зарычал он и кинулся на девушку.

Легко увернувшись от непрошенных объятий, мисс Деррик метнулась к учительскому столу и выхватила из ящика нож. Обычный кухонный нож, ценой шиллинг за пару, с длинным и широким лезвием. Арсений засмеялся. Нашла чем пугать, дура, не револьвер же...

А через мгновение всё же испугался.

Нож в маленькой ладони девушки вдруг словно ожил. Непостижимо быстро вращая кистью, ловко перебрасывая кухонное оружие из руки в руку, мисс Деррик мелкими шагами двинулась к Арсению, и тот невольно отступил. Он просто не мог уследить за молниеносными движениями лезвия – глаз не успевал. И перехватить руку с ножом тоже не успевал. А острое лезвие продолжало чертить зигзаги всё ближе и ближе, угрожая то лицу, то телу. Мисс Деррик с тихим смехом сделала выпад, и Арсений ощутил укол в грудь. Сделал шаг назад. Новый укол – теперь в живот. Ещё шаг назад. Третий укол – в пах. Арсений упёрся спиной в стену и невольно закрыл руками низ живота. А девушка, приставив нож к горлу, спокойно, даже не запыхавшись, спросила:

– Не хотите ли извиниться, мистер Овчинцев?

– Ведьма! – с ненавистью выдавил Арсений, ощущая лезвие у сонной артерии.

– Ну, почему же ведьма? Женщины Ист-Энда умеют защищать себя, вот и всё... Так как насчёт извинений?

Нож чувствительно уколол горло.

– Да пошла ты!.. – Страх и бешенство подсказали Арсению витиеватое ругательство.

Мисс Деррик опустила руку с ножом.

– Принимается, – невозмутимо сказала она. – И больше не хулиганьте. И запомните: меня силой взять нельзя. В следующий раз кастрирую.

«А ведь не шутит...» Вытерев лицо, Арсений дрожащими руками записал тетрадку с карандашами в сумку и пошёл к выходу.

– Мистер Овчинцев!

Он обернулся. Мисс Деррик надевала шляпку.

– Не хотите ли проводить меня домой? Вечером на этой улице девушке лучше одной не ходить, а то могут обидеть, – невинно произнесла она.

«Тебя обидишь, пожалуй. Сама кого хочешь...»

– С удовольствием, – буркнул он.

Шли молча. Возле подъезда, когда Арсений уже хотел откланяться, мисс Деррик вдруг взяла за рукав и повела за собой. Не успев опомниться, он оказался в её квартире. А чуть позже – и в спальне.

При всём немаленьком опыте, таких женщин Арсений ещё не встречал. Она не отдавалась – она брала. Милая барышня-учительница оказалась в постели сущей дьяволицей, умевшей добиться от мужчины истинного наслаждения. Справедливости ради, не меньшее наслаждение она дарила ему. Естественный женский стыд был ей неведом; со своим и мужским телом она вытворяла такое, что Арсений попросту шалел. К утру не сомкнувший глаз парень совершенно выбился из сил. Мисс Деррик, накинув халат, сделал чай и буднично сказала:

– Ты мне нравишься. Жить будешь у меня.

Арсений чуть не поперхнулся и резко сел в постели.

– А ты меня спросила? – произнёс он, глядя исподлобья. Он ей нравится, видите ли... Большое счастье! – Может, ещё детей заведём?

– Детей от меня надо заслужить, – со смехом сказала она и поцеловала так крепко, что Арсений чуть не задохнулся. – Кстати, прекрати звать меня мисс Деррик. Меня зовут Джейн.

Ну вот, заодно и познакомились...

Джейн не ошиблась: через полгода после начала занятий Арсений уже свободно владел английским и даже щеголял произношением и словечками кокни из рабочих лондонских кварталов. Столярову он с чистой совестью заявил, что языком овладел, партийное задание выполнено. Что дальше?

– Тебе скажут, – неопределённо произнёс Дмитрий. – Жди пока. Шлифуй выговор.

И выдал Арсению пять фунтов, – очередное денежное вспомоществование от партии.

Через день Джейн сообщила, что с ним, Арсением, хочет познакомиться один серьёзный джентльмен. Очень серьёзный. От этого знакомства может зависеть вся дальнейшая судьба, и потому говорить с ним следует откровенно, как на духу. «Да на что я ему сдался?» – «Сам скажет. Собирайся, за нами приедут...»

Судя по солидной красивой карете, которую прислал джентльмен, человек он был действительно серьёзный. Под стать карете оказалась и квартира в доме на Хай-стрит в Вест-Энде, куда привёз кучер, – просторная, обставленная антикварной мебелью, увешанная и устеленная персидскими коврами. Привыкший к халупам Уайтчепеля, Арсений даже слегка оробел. Джейн, напротив, выглядела вполне спокойной, словно бывала здесь не раз. Почему, зачем? Арсений вдруг подумал, что, прожив с этой женщиной несколько месяцев, ничего толком о ней не знает. Откуда родом, чем занималась до их встречи, где научилась неистово любить и виртуозно драться ножом, – всё в тумане, более густом, чем английский смог. На вопросы отвечала уклончиво, а то и вовсе закрывала рот поцелуем, смеясь...

Хозяином дома был высокий широкоплечий человек лет тридцати пяти-сорока. Он широко улыбнулся Арсению и крепко пожал руку, предложив называть себя мистером Льюисом. Лакей в красно-жёлтой ливрее вкатил столик с напитками, фруктами и сладостями, после чего, рассевшись в креслах, приступили к разговору. Разговор шёл попеременно то на английском, то на русском, которым Льюис владел вполне сносно.

– Скажу сразу, мистер Овчинцев, я представляю секретную службу Её Величества, – сообщил он без обиняков. – Точнее, разведку. И всё, о чём вы сейчас услышите, должно остаться между нами. Обещаете?

Скосив глаза на невозмутимую Джейн, Арсений кивнул.

– Прекрасно... Мы хотим предложить вам сотрудничество.

– Какое? – лаконично спросил Арсений.

– Вы должны вернуться в Россию, где будете выполнять наши поручения. На хороших условиях, разумеется.

Вот те нате... Впрочем, чему удивляться? Где ещё может быть интересен для британской разведки русский революционер кроме как в России? В Лондоне, что ли? А о связях партийной верхушки с английской специальной службой в «Народной воле» шептались уже давно. Откуда брались деньги на содержание партии и организацию террора, тоже догадывались...

– Почему именно я? – спросил Арсений.

Наклонившись, Льюис простецким жестом хлопнул его по колену.

– Мисс Деррик характеризует вас наилучшим образом, – сообщил он. – По её словам, вы умны, энергичны, предприимчивы. Ваше революционное досье я изучил, – оно выше всяких похвал. Импонирует ваша изобретательность и смелость. Важно, что хорошо владеете оружием и рукопашным боем, работали со взрывчаткой. А что однажды попались жандармам в Рязани, так тут же и выкрутились, бежали... Словом, вы нам подходите.

Арсений кивнул в сторону Джейн.

– Так она, значит...

– Ну, конечно! Мисс Деррик наша сотрудница, а курсы по изучению языка, – такой, что ли, фильтр, через который мы просеиваем людей. Присматриваемся, отбираем подходящих. Прямо скажу: таких мало. Не в обиду, русские революционеры привыкли много болтать и мало делать. Как это у вас говорится: «Пар уходит в свисток...» – Последнюю фразу Льюис произнёс на неплохом русском языке. – К вам, само собой, это не относится.

Откинувшись на спинку кресла, Льюис раскурил сигару.

– А если я откажусь? – спросил Арсений.

– С чего бы это? – вопросом на вопрос ответил разведчик. – Судя по всему, избытком морали вы не страдаете... не обижайтесь, в нашем деле это только плюс... значит, работать на нас вам будет не в тягость. В конце концов, у нас общий враг. Вы боретесь с царской властью, и мы с ней боремся. Вам она мешает установить свой порядок в России, а нам – в Европе. Мы союзники, мистер Овчинцев, не так ли?

Повисла пауза. Джейн едва заметно кивнула: не вздумай, мол, отказываться.

– Хорошо, – сказал наконец Арсений. – Что от меня понадобится?

– Всё! – энергично сказал Льюис. – Ваша голова, ваши боевые навыки, ваши связи в революционном подполье.

– А как же... – спросил Арсений и запнулся.

Работа на английскую разведку его не смущала. К стране, в которой родился, никаких особых чувств он никогда не питал, стало быть, и предателем считать себя не с чего. Но оставлять Джейн, уехав в Россию, отчаянно не хотелось. Любовь у них или не любовь, Арсений не знал. Но за эти месяцы женщина стала ему необходима, как доза опия наркоману. Это он ощущал душой и телом. Ведьма и есть, – околдовала...

Льюис оказался догадлив.

– Вы, кажется, подружились с мисс Джейн? – спросил он, белозубо скалясь. – И вас смущает, что придётся с ней расстаться? Ну, так не переживайте, – не расстанетесь...

И потушив сильным жестом сигарный окуроч, добавил деловым тоном:

– С завтрашнего дня поступаете в моё распоряжение – и на моё довольствие тоже. Вы человек опытный, но кое-чему надо подучиться, пройти некоторую подготовку. В Россию ещё нескоро. А пока будете помогать мне здесь, в Лондоне. За вашим братом, русским революционером, нужен глаз да глаз...

Глава восьмая

Нечасто Сергею доводилось работать в таких приятных условиях. Зимний сад английского посольства был ему по душе. Много зелени и света, ласкающие нос ароматы цветов, но главное, – девушка, часами сидящая напротив, чья красота так и просилась на полотно.

Впрочем, работа над портретом мисс Элен шла небыстро. Сергей делал набросок за наброском, пытаясь как можно точнее схватить прелесть больших изумрудных глаз, чувственных губ, лица в обрамлении густых тёмных волос. Трудное дело осложнялось тем, что усидчивость девушки закончилась на третьем сеансе. Видно было, что позировать ей скучно, и недостаток движения она компенсировала беседой, обращая то к присутствующей мисс Канингем, то к художнику. На пятый день работы выяснилось, что дочь посла – убеждённая феминистка и любит поговорить на волнующую тему.

– Признаёте ли вы женщину равной мужчине? – спросила она, закуривая очередную папиросу через мундштучок.

– Нет, не признаю, – со вздохом сказал Сергей. Работа только-только пошла, и болтать не хотелось.

– Вот как? Вы брючный шовинист?

– Брючный – да, шовинист – нет, – слегка огрызнулся Белозёров. – Женщина не может быть равной мужчине. Она лучше, выше, да просто прекраснее, – убеждённо добавил он.

«Вот как Настенька...» Вспомнив жену, Сергей внутренне вздохнул. Настенька с детьми и бабушкой Авдотьей Семёновной отбыла в Кисловодск пить минеральную воду и принимать нарзанные ванны. Стало пусто, а по вечерам тоскливо; во всём доме, не считая его самого, лишь слуга Кондратий и кухарка Фрося... Соскучился очень, и по сыновьям тоже. Даже Авдотьи Семёновны как-то не хватало.

Мисс Элен небрежно отмахнулась мундштучком.

– Это всё слова, Сергей Васильевич... Женщины во всём мире бесправны, и Россия не исключение.

– Это каких же прав им не хватает?

– Ну, например: может ли у вас женщина устроиться на работу в банк или в министерство? Ну, хоть на завод? Чтобы себя содержать?

– А зачем? Сначала у неё родители есть, а потом муж. Вот он пусть на жизнь и зарабатывает.

– А если она хочет утвердить себя в обществе? Самореализоваться? – с интересом спросила мисс Канингем.

– Пусть дома самореализовывается, – убеждённо сказал Сергей. – Не в том смысле, конечно, что за порог ни ногой. Балы, салоны, благотворительные собрания, церковь, – ездите не хочу. Опять же театр, магазины, родственники... Просто, если у женщины есть дом и семья, дел у неё хватит на всю жизнь. А чтобы детей воспитывать, такой нужен талант и терпение, – нашему брату и не снилось.

Девушка раздражённо откинула со лба своевольную тёмную прядку.

– А вы точно русский? – ехидно спросила она, сверкнув глазами. – Может быть, вы немец?

– Да вроде нет... Чего это вдруг?

– Рассуждаете, как немец. У них для женщин придумали специальную формулу: «Кюхен, киндер, кирхен». Кухня, дети, церковь, – вот женская судьба, от сих до сих. Я бы от такой жизни повесилась!

Мисс Канингем засмеялась. Сергей покачал головой.

– Не надо. Живите долго и счастливо, – твёрдо посоветовал он.

«И не забивайте голову всякой ерундой», – чуть не добавил, но поостерёлся: уж очень у мисс Элен вид был воинственный.

– Вы слишком консервативны и чопорны, – дерзко заявила она. – Будь все такие, как вы, про общественный прогресс можно было бы забыть. Вы не хотите, чтобы женщина раскрепостилась... Может быть, вы и против свободной любви?

Вопрос был задан таким обвинительным тоном, что Сергей с трудом удержался от смеха. В гусарскую бытность он свободной любви хлебнул с избытком и цену ей знал очень хорошо. (Во многом именно поэтому так ценил брачные узы.) Но не читать же раскрепощённой англичанке лекцию о преимуществах семейных отношений! Эта тема окончательно похоронила бы сегодняшний сеанс.

К счастью, в зимнем саду неожиданно появился Фитч. Время от времени он заходил посмотреть, как идёт работа, – контролировал ситуацию, надо полагать.

– Как дела, мистер Белозёров? – спросил он, широко улыбаясь и пожимая руку Сергею. – Всё в порядке, я надеюсь?

– Всё замечательно, – отозвался Белозёров не без иронии. – Мне вот тут мисс Элен разъясняет преимущества свободных отношений между мужчиной и женщиной...

– Вы не джентльмен, мистер Белозёров, – холодно сказала девушка, прищурившись. – Вы доносчик!

Фитч расхохотался.

– Дорогая мисс Элен, джентльменов много, а художник Белозёров один, – назидательно произнёс он. С этими словами он сорвал орхидею, понюхал, вставил в петлицу тёмно-серого пиджака и, повернувшись к Сергею, добавил: – Моя вина, каюсь. Надо было предупредить, что мисс Мориер – завзятая феминистка. На чём вы остановились? На свободной любви? Ну, так имейте в виду: следующая тема – принятие общеевропейского закона о разрешении аборт.

Девушка поднялась из кресла – порозовевшая от негодования, словно Фитч наступил ей на любимую мозоль.

– Ваши шуточки, Эдвард, я считаю неуместными... – начала она ледяным тоном, однако Фитч прервал её, выставив перед собой ладони.

– Всё-всё-всё, больше не буду! Однако и вы больше не будете, ладно? Мистер Белозёров нанят, чтобы нарисовать ваш портрет. Но если ему ещё придётся выслушивать лекции о раскрепощении женщин в современном обществе, боюсь, он сочтёт это нарушением контракта и потребует дополнительной оплаты... Кстати, вы позволите?

И, не дожидаясь ответа, взял со стола альбом с набросками. Сергей только пожал плечами. За такие деньги имеет право.

Перелистав альбом, Фитч повернулся к Сергею.

– Это великолепно, – негромко сказал он. От шутливого тона не осталось и следа. – По моему, это заявка на шедевр. Теперь я понимаю, почему вы... как это по-русски... нарасхват и в царской семье, и в свете... Мисс Элен! Держу пари, что «Портрет дочери посла» со временем займёт почётное место в королевском музее и обессмертит ваш облик. Так не отвлекайте художника от работы всякими мелочами, – прошу и даже настаиваю!

Волнение Фитча передалось девушке.

– Всё настолько серьёзно? – спросила она как бы небрежно, теребя ветку папоротника.

Вместо ответа Фитч кивнул, отвесил Сергею поклон и удалился. Глядя ему вслед, Белозёров испытывал неловкость. Как всякий художник он в душе всегда мечтал о признании своего таланта, о комплиментах. А получив, стеснялся, точно мальчишка. Пора бы уже привыкнуть, столько успешных работ за плечами, но вот не привыкается...

Мисс Элен послушно уселась в своё кресло под пальмой.

– Давайте работать, – произнесла она тоном примерной девочки. – Кстати, имейте в виду, – Эдвард зря не похвалит. Он прекрасно разбирается в живописи.

– Я тоже немного...

– А вы забавный, Сергей Васильевич, – сообщила девушка с улыбкой, очаровательно блеснув жемчужными зубками.

– Послушайте, мисс Элен, нам ещё работать и работать. Язык сломаете отчеством. Называйте просто по имени, – Сергей.

– Оу, с удовольствием! Тогда просто Элен. Только не при папе. Он ещё более чопорный, чем вы...

– А меня зовут Рэйчел, – сообщила мисс Канингем, скромно потупившись. – Если, конечно, не возражаете.

Сергей поклонился.

До окончания сеанса девушка позировала прилежно и молча, чему-то задумчиво улыбаясь.

Как обычно, в час дня отобедали. А после обеда Фитч подошёл к Сергею и поинтересовался:

– Вы помните, что сегодня пятница?

– Помню, конечно. А что?

– Наступил уик-энд, мой друг... вы позволите вас так называть? Конец недели, время отдыха. По пятницам после обеда мы не работаем, если, конечно, нет ничего срочного. Мы развлекаемся.

– Это как же? В театр едете? Или в ресторацию? – поинтересовался Сергей?

– Кто-то и в театр, и в ресторацию, и в клуб. Но это вечером. А днём мы занимаемся спортом. Вы же знаете, англичане – самая спортивная нация в мире. Не хотите ли присоединиться? Так сказать, размяться после ланча?

Сергей чуть было не почесал в затылке, но вовремя удержался.

– Да я, в общем, не против, – решил он. – А вы про какой спорт? Про ваш бокс хваленый, что ли? Так это я запросто. По физиономии кому-нибудь съездить, – милое дело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.